

ТРИ БОГАТЫРЯ

БЫЛИНЫ

ҮРІ
БОГАТЫРЯ
БЫЛЖЫ

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

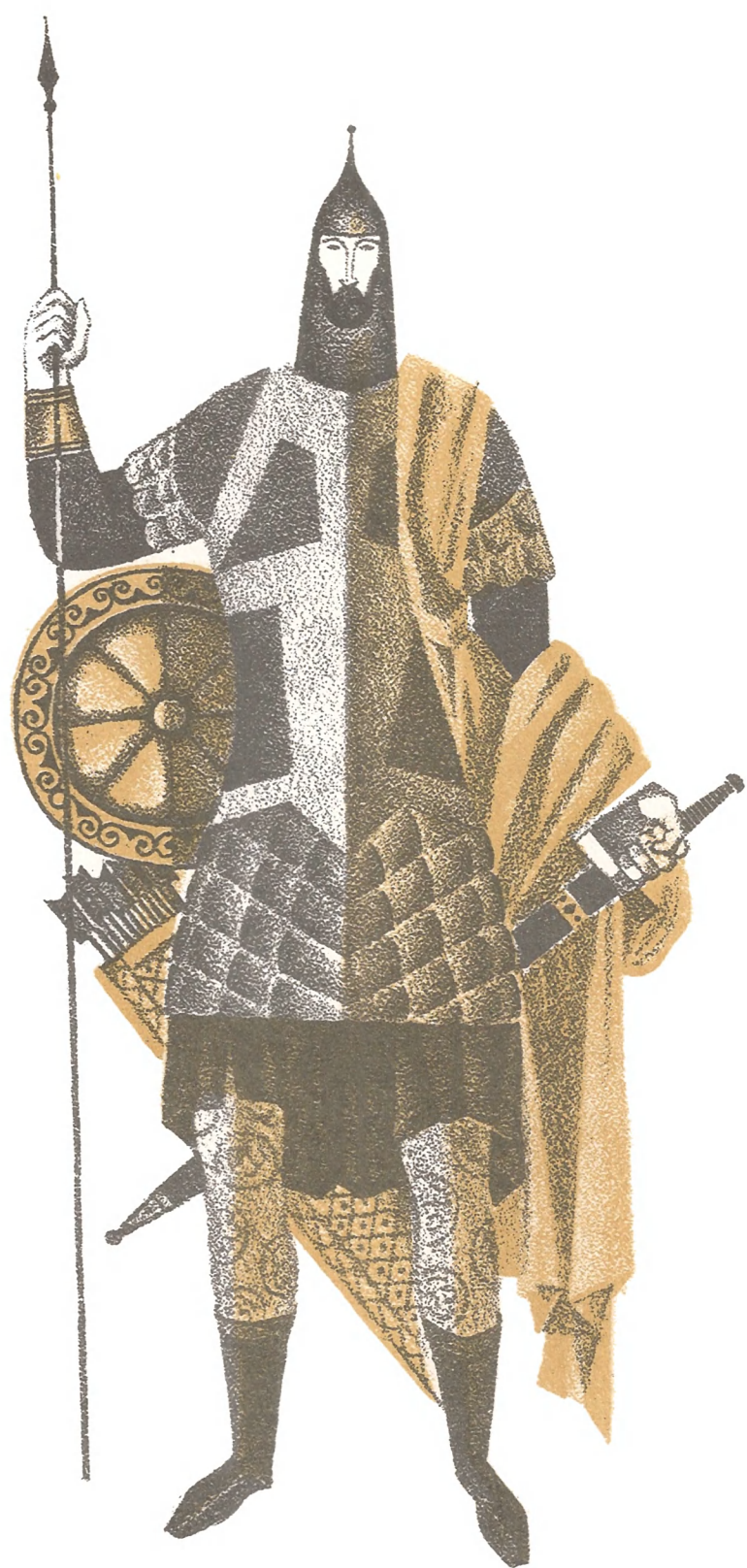
1977

ТРИ БОГАТЫРЯ БЫЛИНЫ

ХУДОЖНИК Н. ВОРОВЬЕВ

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

БОИ ДОБРЫНИ И ДУНАЯ

Ай да первая поездка да молодецкая,
Хоробра была поездка да молодецкая,
Да не видели побезку да лошадиную,
Только видели, в чистом поле курева стоит,
Курева ли стоит да дым столбом валит;
Выезжал ли тут Добрыня на чисто поле,
Он брал-то-ле трубочку подзорную,
Он смотрел на четыре да на дальни стороны,
Он смотрел да под сторону западну:
Там стоят теперь да леса темные;
Он смотрел да под сторону под северну:
Там стоят теперь ледяны горы;
Он смотрел да под сторону восточную:
Там стоит наш стольный Киев-град;
Он смотрел под сторону под летнюю:
Он завидел в чистом поле черной шатер,
Он черной шатер да чернobarхатный.
Думучись-то, Добрынюшка раздумался:
«Как у наших русских богатырей
Кабы были-ле шатры белополотняны,
Тут стоит нонче черной да чернobarхатный».
Приезжал тут Добрыня ко черну шатру,
Привязал он коня да ко сыру дубу,
Заходил-то Добрыня да во черной шатер.
Расставлены столы тут белодубовые,
Расставлены ведра да зелена вина,
Расставлены бадьи да с медом сладкиим,
Расставлена посуда да все хрустальная;
Тут лежал ярлык да скоро грамота:
«А кабы кто нонче в моем шатру попьет-поест,
Как попьет-де, поест, право, покушает,
Не уехать живому из чиста поля».

А оттуль же Добрыня да поворот дает,
Он поехал назад да в стольный Киев-град,
Доезжал Добрыня до Пучай-реки,
Он поил коня да во Пучай-реке,
Думучись-то, Добрынюшка раздумался:
«Я приеду теперь да в стольный Киев-град,
Кабы станут богатыри да спрашивать,
Кабы станут же русские выведывать,
Уж я что им скажу, что поведаю?
То не честь мне хвала молодецкая».
Как оттуль же Добрыня поворот дает.
Приезжал-то Добрыня да ко черну шатру,
Привязал он коня да ко сыру дубу,
Заходил тут Добрыня да во черной шатер,
Он напился, наелся, тут накушался,
Приломал он тут посудушку хрустальную,
Приломал он ведра с зеленым вином,
Приломал он бадьи да с медом сладким,
Разрывал он тут да весь черной шатер,
Разбросал он шатер да по чисту полю,
Он ложился тут спать да на сыру землю.
Как о ту же пору, о то времечко
Приезжал тут Дунай да из чиста поля,
Он завидел свой шатер не по-старому:
Вся приломана посудушка хрустальная,
Все приломаны ведра с зеленым вином,
Все приломаны бадьи с медом сладким,
Весь разорван его да черной шатер.
Как увидел он Добрыню на сырой земле,
Вынимал он сабельку булатную,
Он хотел-то срубить да буйну голову.
Думучись-то, сам так задумался:
«Как сонного-то губить, так ровно мертвого,
То не честь будет хвала да молодецкая,
А не выслуга будет богатырская».
Разбудил он Добрынюшку Никитича,
Хватались они драться на рукопашечку,
Они бились, дрались да трои сутки.
Как о ту нынче о пору да о то времечко,
Как старый казак да Илья Муромец,
Выезжал стар казак да во чисто поле,
Как со тем же Алешенькой Поповичем.
Говорит стар казак да Илья Муромец:
«Ой ты ой еси, Алешенька Попович, брат!
Слезай ты тепереча со добра коня,
Припадай-ка к земле да ухом правым:
Не стучит ли где матушка — сыра земля,
Не дерутся ли где русские богатыри?

Кабы два русских, так помирить надо,
 Кабы два неверных, так прогнать надо,
 Кабы русский с неверным, так пособить надо».

Припадал-то Алеша да ухом правым:
 «Как нигде нонь не стучит да мать — сыра земля».

Как скакал-то старый да со добра коня,
 Припадал он ко матушке — сырой земле:
 Там стучит ведь матушка — сыра земля,
 Да под той же сторонешкой восточной:
 Как прямой-то дорогой ехать месяцы,
 Выезжал-то стар казак да ровно в три часа.

Закричал стар казак да зычным голосом:
 «Уж вы ой еси, удалы добры молодцы!
 Вы об чем деретесь да об чем ратитесь?
 Разве на земле-то стало да нынче узко вам?
 Кабы до неба-то стало да нонче низко вам?»

Они-то дерутся да не варуют,
 Они пуще дерутся, пуще ратятся,
 Как скакал-де старый да со добра коня,
 Он хватал-де обоих в охапochку:
 «Ох вы ой еси, удалы добры молодцы!
 Вы об чем нын деретесь да об чем ратитесь?»

Как стал ему Дунай высказывать:
 «Я ведь за морем жил да за синиим,
 Я за синиим жил за Варальским,
 У того же я Семена Ляховитого,
 Я ведь три года жил да ровно в конюхах,
 Да и три года жил да право в стольниках,
 Да и три года жил я в подносчикках,
 Да прошло же тому времю ровно десять лет,
 Я ведь выжил всю посудушку хрустальную,
 Я выжил ведра да с зеленым вином,
 Я выжил бадьи да с медом сладким,
 Да я выжил столы белодубовые,
 Да и выжил шатер да чернoбархатный.

Захотелось мне-ка ехать во свою землю,
 Во свою землю, нонче на родину,
 Я поехал теперь да во свою землю,
 Выезжал я теперь да на чисто поле,
 Я поставил свой шатер да на чисто поле,
 Расставил я столы белодубовые,
 Расставил я ведра с зеленым вином,
 Расставил я бадьи да с медом сладким;
 Захотелось мне-ка съездить за охотою,
 Написал я ярлык да скору грамоту:
 «Кабы кто нонче в моем шатре попьет-поест,
 Кабы попьет-де, поест, право, покушает,
 Не уехать живому из чиста поля».

Говорит им стар казак да Илья Муромец:
«Те спасибо нонь, Дунай да сын Иванович,
Не оставляешь свой шатер без угроз ты молодецких,
Те спасибо, Добрынюшка Никитич млад,
Не боишься ты угроз да молодецких».

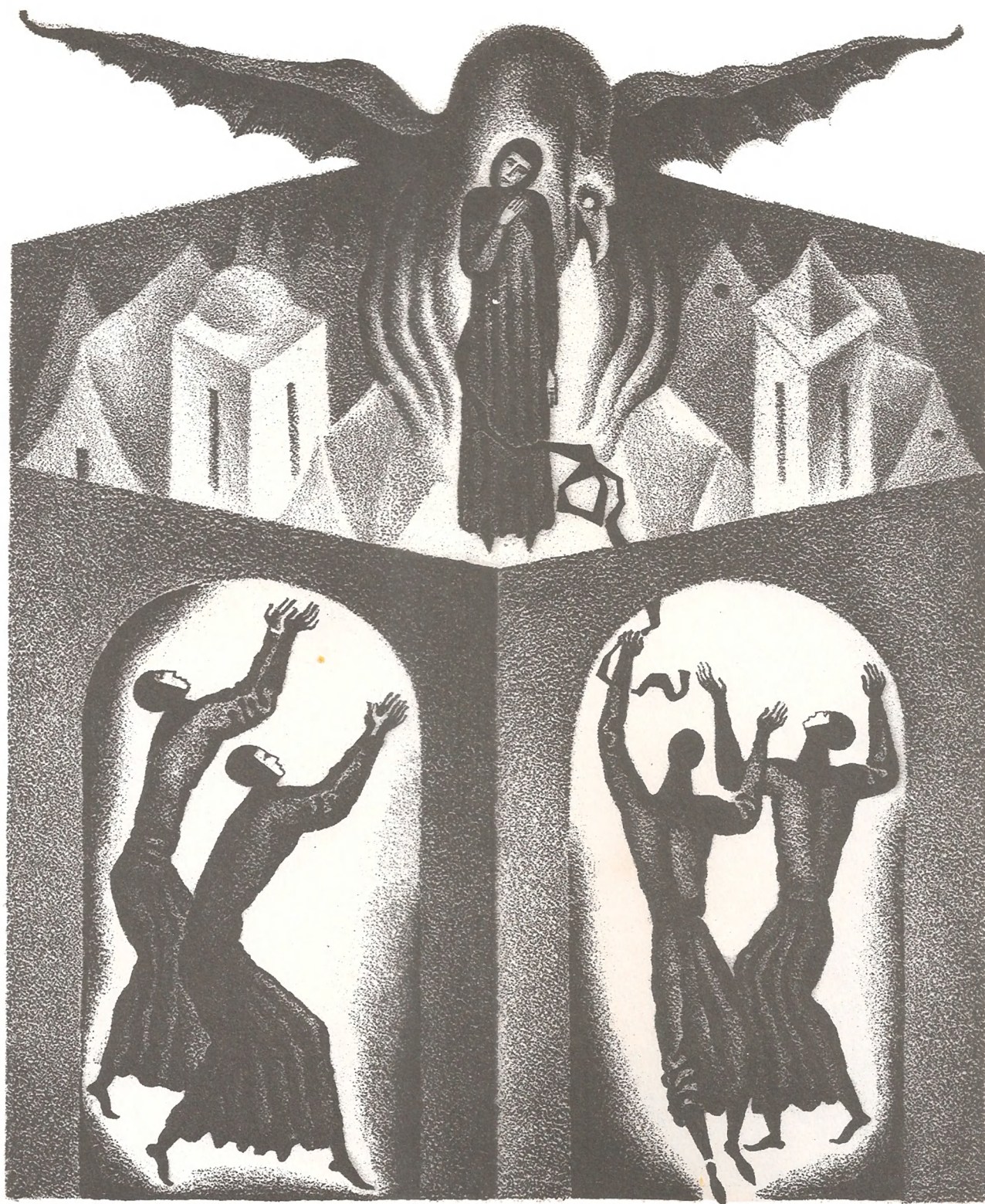
ДОБРЫНЯ И ЗМЕИ

Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты не ездит-тко на гору сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малых змеенышев,
Не выручай же полону там русского,
Не куплись-ка ты во матушке Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река, сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью».
Молодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут матушки,
Честной вдовы Амелфы Александровной,
Ездил он на гору сорочинскую,
Топтал он тут малых змеенышков,
Выручал тут полону да русского.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
«Матушка Добрынюшке говаривала,
Родная Никитичу наказывала:
Ты не ездит-тко на гору сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малых змеенышев,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река да е сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.

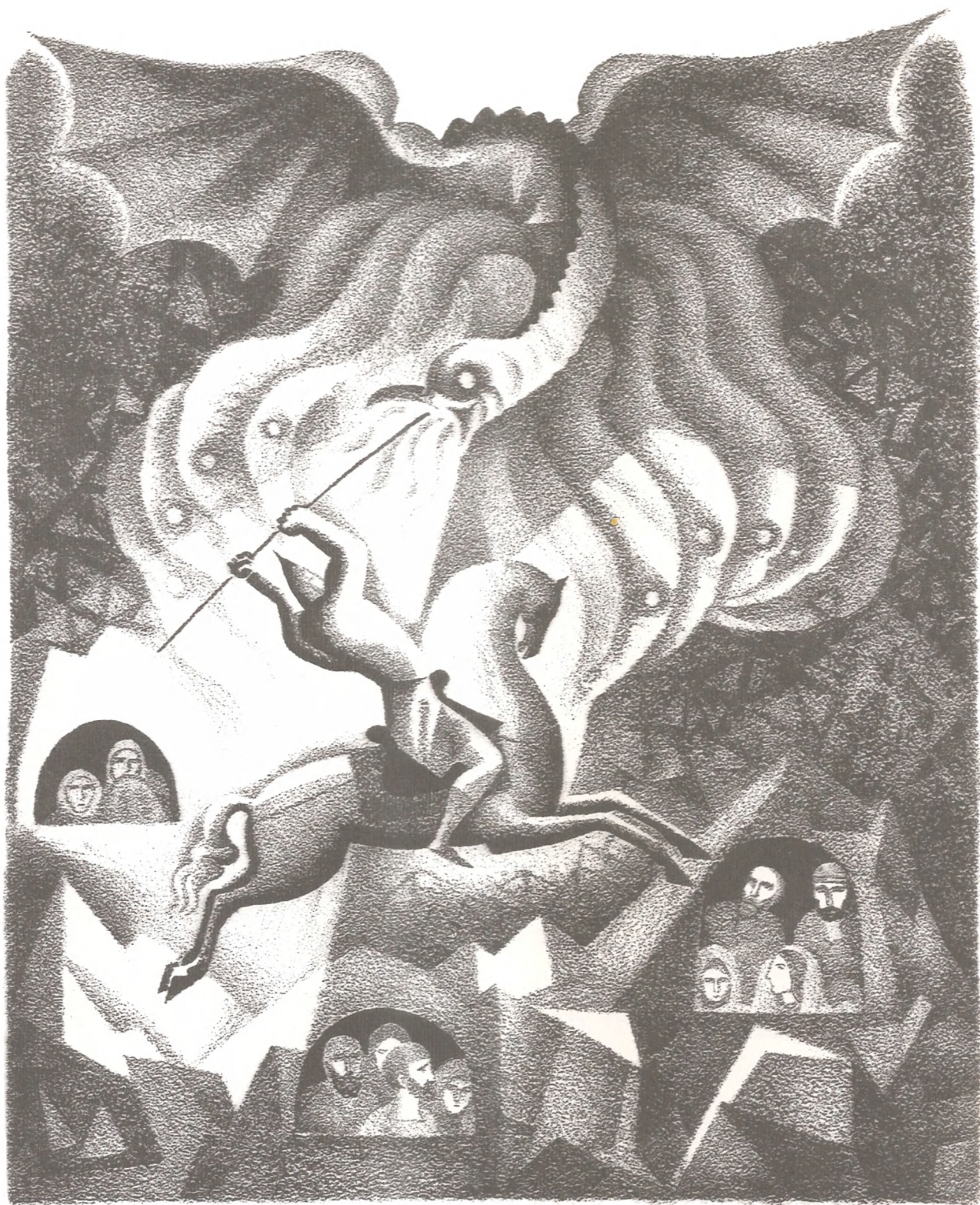
Эта матушка Пучай-река
Как ложинушка дождёвая».
Не поспел тут же Добрыня словца молвити,—
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другою же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Выходит тут змея было проклятая,
О двенадцати змея было о хоботах:
«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я нынь — Добрынюшку целó сожру,
Захочу — Добрыню в хобота возьму,
Захочу — Добрынюшку в полон снесу».
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ай же ты, змея было проклятая!
Ты поспела бы Добрынюшку да захватить,
В ту порú Добрынюшкой похвастати,—
А нунчу Добрыня не в твоих руках».
Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другом.
Нету у Добрыни кóня доброго,
Нету у Добрыни кóпья вострого,
Нечем тут Добрынюшке поправиться.
Сам же тут Добрыня приужахнется,
Сам Добрыня испроговорит:
«Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка!»
Лежит тут колпак да земли греческой,
А весу-то колпак буде трех пудов.
Ударил он змею было по хоботам,
Отшиб змеи двенадцать тых же хоботов,
Сбился на змею да он с коленками,
Выхватил ножище да кинжалище,
Хоче он змею было порóспластать.
Змея ему да тут смолилася:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Будь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,
Я тебе да сестра меньшая.
Сделаю мы же заповедь великую:
Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору сорочинскую,
Не топтать же zde-ка маленьких змеенышков,
Не вырúчать полону да русского;
А я тебе сестра да буду меньшая,—
Мне-ка не летать да на святую Русь,
А не брать же больше полону да русского,
Не носить же мне народу христианского».
Отслабил он колен да богатырских.
Змея была да тут лукавая,—
С-под колен да тут змея свернулася,

Улетела тут змея да во ковыль-траву,
 И молодой Добрыня сын Никитинич
 Пошел же он ко городу ко Киеву,
 Ко ласковому князю ко Владимиру,
 К свóей тут к родители ко матушке,
 К честной вдовы Амельфе Александровной.
 И сам Добрыня порасхвастался:
 «Как нету у Добрыни коня доброго,
 Как нету у Добрыни копья вострого,
 Не на ком поехать нынь Добрыне во чисто поле».
 Испроговорит Владимир стольнокиевский:
 «Как солнышко у нас идет на вечере,
 Почестный пир идет у нас навеселе,
 А мне-ка-ва, Владимиру, не весело:
 Одна у мня любимая племянничка
 И молода Забава дочь Потятична;
 Летела тут змея у нас проклятая,
 Летела же змея да через Киев-град;
 Ходила нунь Забава дочь Потятична
 Она с мамками да с няньками
 В зеленом саду гулятиться,
 Подпадала тут змея было проклятая
 Ко той матушке да ко сырой земли,
 Ухватила тут Забаву дочь Потятичну,
 В зеленом саду да ю гуляючи,
 В свои было во хобота змеиные,
 Унесла она в пещерушку змеиную».
 Сидят же тут два русских могучиих богатыря,—
 Сидит же тут Алешенька Левонтьевич,
 Во дрúгих Добрыня сын Никитинич.
 Испроговорит Владимир стольнокиевский:
 «Вы русские могучие богáтыри,
 Ай же ты, Алешенька Левонтьевич!
 Мошь ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну
 Из той было пещеры из змеиною?»
 Испроговорит Алешенька Левонтьевич:
 «Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
 Я слышал было на сем светí,
 Я слышал же от Добрынюшки Никитича:
 Добрынюшка змеи было крестовый брат;
 Отдаст же тут змея проклятая
 Мóлоду Добрынюшке Никитичу
 Без бою, без драки-кроволития
 Тут же нунь Забаву дочь Потятичну».
 Испроговорит Владимир стольнокиевский:
 «Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
 Ты достань-ка нунь Забаву дочь Потятичну
 Да из той было пещерушки змеиною.

Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить».
Повесил тут Добрыня буйну голову,
Утопил же очи ясные
А во тот ли во кирпичен мост,
Ничего ему Добрыня не отвечает.
Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтение,
Ему нунь за весело пирование.
И пошел же ко родители, ко матушке
И к честной вдовы Амелъфе Александровной.
Тут стретает его да родитель-матушка,
Сама же тут Добрыне испроговорит:
«Что же ты, роженое, не весело,
Буйну голову, роженое, повесило?
Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Али ествы-ты были не по́ уму,
Али питыца-ты были не по разуму?
Аль дурак тот над тобою надсмеялся ли,
Али пьяница ли там тебя при́обозвал,
Али чарою тебя да там при́обнесли?»
Говорил же тут Добрыня сын Никитинич,
Говорил же он родители тут матушке,
А честной вдовы Амелъфе Александровной:
«А й честна вдова Амелъфа Александровна!
Ествы-ты же были мне-ка по уму,
А и питыца-ты были мне по разуму,
Чарою меня там не приобнесли,
А дурак тот надо мною не смеялся же,
А и пьяница меня да не приобозвал;
А накинул на нас службу да великую
Солнышко Владимир стольнокиевский,—
А достать было Забаву дочь Потятичну
А из той было пещеры из змеиною.
А нунь нету у Добрыни коня доброго,
А нунь нету у Добрыни копья вострого,
Не с чем мне поехать на гору сорочинскую,
К той было змеи нынъ ко проклятою».
Говорила тут родитель ёму матушка,
А честна вдова Амелъфа Александровна:
«А роженое мое ты нынъ же дитятко,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Богу ты молись да спать ложись,
Буде утро мудро мудренее буде вечера —
День у нас же буде там прибыточен.
Ты поди-ка на конюшню на стоялую,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя,—
Батюшков же конь стоит да дедушков,

А стоит бурко пятнадцать лет,
По колен в назём же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назём зарощена».
Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшенке стоялыя,
Повыдернул же дверь он вон из назму,
Конь же ноги из назму да вон выдергиват.
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,
Берет Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялыи,
Кормил коня пшеною белояровой,
Поил питьями медвяныма.
Ложился тут Добрыня на велик одёр.
Ставае он по утрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошихонько,
А седлае своего да он добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седельшко,
И садился тут Добрыня на добра коня.
Провожает тут родитель его матушка,
А честна вдова Амельфа Александровна,
На поезде ему плеточку нонь подала,
Подала тут плетку шамахинскую,
А семи шелков да было разных,
А Добрынюшке она было наказыват:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плетка шамахинская:
Съедешь ты на гору сорочинскую,
Станешь топтать маленьких змеенышев,
Выручать тут полону да русского,
Да не станет твой же бурушко поскакивать,
А змеенышев от ног да прочь отряхивать,—
Ты хлыщи бурка да нунь прóмеж уши,
Ты промеж уши хлыщи да ты промéж ноги,
Ты промеж ноги да прóмеж заднии,
Сам бурку да приговаривай:
«Бурушко ты, конь, поскакивай,
А змеенышев от ног да прочь отряхивай!»
Тут простилася да воротилася.
Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехать, не воротами,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору сорочинскую.

Стал топтать да маленьких змеенышев,
 Выручать да полону нонь русского.
 Подточили тут змееныши бурку да щеточки,
 А не стал же его бурушко поскакивать,
 На кони́ же тут Добрыня приужахнется,—
 Нунечку Добрынюшке кончинушка!
 Спомнил он наказ да было матушкин,
 Сунул он же руку во глубок карман,
 Выдернул же плетку шамахинскую,
 А семи шелков да шамахинских,
 Стал хлыстать бурка да он промеж уши,
 Промеж уши да он промѣж ноги,
 А промѣж ноги да промеж заднии,
 Сам бурку да приговариват:
 «Ах ты, бурушко, да нунь поскакивай,
 А змеенышев от ног да прочь отряхивай!»
 Стал же его бурушко поскакивать,
 А змеенышев от ног да прочь отряхивать,
 Притоптал же всех он маленьких змеенышков,
 Выручал он полону да русского.
 И выходит тут змея было проклятое
 Да из той было пещеры из змеиною,
 И сама же тут Добрыне испроговорит:
 «Ах ты, душенька Добрынюшка Никитинич!
 Ты порушил свою заповедь великую,
 Ты приехал нунь на гору сорочинскую
 А топтать же мо́их маленьких змеенышев».
 Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:
 «Ай же ты, змея проклятая!
 Я ли нунь порушил свою заповедь
 Али ты, змея проклятая, порушила?
 Ты зачем летела через Киев-град,
 Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?
 Ты отдайте-ка мне Забаву дочь Потятичну
 Без бою, без драки-кроволития».
 Не отдавала она без бою, без драки-кроволития,
 Заводила она бой-драку́ великую,
 Да большое тут с Добрыней кроволитие.
 Бился тут Добрыня со змеей трое сутки,
 А не може он побить змею проклятую.
 Наконец хотел Добрынюшка отъехать,—
 Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:
 «Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
 Бился со змеей ты да трое сутки,
 А побейся-ка с змеей да еще три часу».
 Тут побился он, Добрыня, еще три часу,
 А побил змею да он проклятую,
 Попустила кровь свою змеиную

От востока кровь она да вниз до запада,
А не при́жре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною.
А стоит же тут Добрыня во крови трое сутки,
На кони́ сидит Добрыня — приужахнется,
Хочет тут Добрыня прочь отъехать.
С-за небесей Добрыне снова глас гласит:
«Ай ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Бей-ка ты копьем да бурземецкиим
Да во ту же матушку — сыру землю,
Сам к земли да приговаривай».
Стал же бить да во сыру землю,
Сам к земли да приговаривать:
«Расступись-ка ты же, матушка — сыра земля,
На четыре на все стороны,
Ты прижри-ка эту кровь да всю змеиною!»
Расступилась было матушка — сыра земля
На все на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь в себя змеиную.
Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошел же по пещерам по змеиным,
Из тыи же из пещеры из змеиною
Стал же выводить да полону он русского.
Много вывел он было князей, князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных
А из той было пещеры из змеиною, —
А не може он найти Забавы дочь Потятичной.
Много он прошел пещер змеиных,
И заходит он в пещеру во последнюю,
Он нашел же там Забаву дочь Потятичну
В той последнею пещеры во змеиною.
А выводит он Забаву дочь Потятичну
А из той было пещерушки змеиною,
Да выводит он Забавушку на белый свет.
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам,
И девицам королевичным,
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да унёсены,
Всяк ступайте в свою сторону.
А собирайтесь вси да по своим местам,
И не троне вас змея боле проклятая.
А пропущена да кровь она змеиная,
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь боле полону да русского
И народу христианского,

А убита е змея да у Добрынюшки,
И прикончена да жизнь нунчу змеиная».
А садился тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А садил же он Забаву на правó стегно,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.
Испроговорит Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы нунь батюшком,—
И назвать тебя, Добрыня, нунчу нé можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимым,—
А назвать тебя, Добрыня, нунчу нé можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимым,—
В нас же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!»
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
«Ах ты, мóлода Забава дочь Потятична!
Вы есть нунчу роду княженицкого,
Я есть роду христианского:
Нас нельзя назвать же другом да любимым».

ДОБРЫНЯ И ДУНАЙ — СВАТЫ

Да во стольнем городе во Киеве,
А у ласкова князя да у Владимира
Заводилось пированье, был стол, почестен пир,
Ай да про многих крестьян, про русских бояров,
Да про тех же крестьянушек прожиточных,
Да про тех же про русских богатырей,
А про тех полениц да приудалых,
Ай да про тех наездничков пресильных,
Ай да про ту сироту маломоженну.
Уж как день-от идет да день ко вечеру,
А катилось красно солнышко ко западу,
А ко западу катилось ко закату;
А еще пир-от ведется да в полчестна пиру.
А уж как все на пиру да напивались,
А уж как все на честном да наедались,
А уж как все на пиру да пьяны-веселы;
А уж как все на пиру да сидят-хвастают:
Богатый-от хвастает да золотой казной,
Богатырь-от хвастает своей силою,
Еще силою-порою да богатырскою,
А наездник-от хвастает добрым конем,
А крестьянин-от хвастает да широким двором,
А еще глупый-от хвастает молодой женой,
А неразумный-от хвастает родной сестрой,
А еще умный-разумный да старой матушкой.
Ай да Владимир-князь да по гриднюшке похаживал,
Ай да козловыми сапожками да поколачивал,
Ай да еще медными скобками попобрякивал,
Еще белыми руками сам приразмахивал,
А золочеными перстнями да принащелкивал,
Еще русыми кудрями да принатряхивал,
Еще сам из речей так приговаривал,

Еще сам говорил да таковы слова:
«Уж вы ой еси, гости да мои гости все,
А вы названные гости, все отобранные!
Еще все у нас во городе поженены,
А девицы-души красны замуж повыданы;
А один я молодец холост хожу,
А холост хожу да неженат слыву.
А не знаете ли вы мне-ка где обручницы,
А обручницы мне-ка да супротивницы,
Супротивницы мне да красной девицы:
А котора бы девица да станом статна,
А станом бы статна да ростом высока,
Тиха-модна походочка павиная,
А тиха-смирна речь была лебединая,
Очи ясны у нее, будто у сокола,
Черны брови у нее, будто у соболя,
А ресницы у нее да два чистых бобра,
А еще ягодицы да будто маков цвет,
А лицо бело у нее да ровно белый снег,
А руса коса у нее до шелкова пояса?»
А тут большой-от хоронится за среднего,
А средний-от хоронится за меньшего,
А от меньшего, сидят, долго ответу нет.
А один тут молодец сидит-приздумался,
А из-за того стола из-за окольного,
Из-за окольного стола, из-за переднего,
Из-за тех же скамеечек белодубовых,
А из-за тех же напитков да различных,
А и встает удалый да добрый молодец,
А по имени назвать да по изотчине —
А что по имени Добрыня да свет Никитич млад.
А он поближе ко Владимиру подвигается,
А пониже он Владимиру поклоняется,
Еще сам говорит да таково слово:
«А уж ты ой еси, Владимир да стольнокиевский!
А позволь-ка мне да слово молвити,
Слово молвити мне да речь говорити;
Не вели меня за слово скоро сказнити,
А скоро меня сказнити, скоро повесити,
Не ссылать меня во ссылочки во дальние,
Не садить во глубоки да темны погреба».
А говорил тут Владимир да стольнокиевский:
«А говори-ка ты, Добрынюшка Никитич млад,
Говори, Добрыня, чего те надобно:
Не сошлю я тя во ссылочки в те во дальние,
Не срублю, не сказню у тя буйной головы,
Не посажу я тебя да в темны погреба».
«А послушай-ка, Владимир да стольнокиевский!

А во том во поле во раздольице
А у тебя есть нонь в чистом поле глубок погреб;
А в глубину погреб сорока сажен,
А в ширину-то погреб да сорока локоть,
А в вожину погреб да вся коса сажен.
А еще есть в погребу у тя потюремщичек
А что по имени Дунай да сын Иванович;
А да сидит он у тя ровно пятнадцать лет;
А бывал Дунаюшка по всем землям,
А по всем землям, по разным городам,
А служил Дунай да всем королям,
А еще знает Дунай да людей всякихх».·
А говорил Владимир да стольнокиевский:
«А уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
А по имени Добрынюшка Никитич млад!
А говорил бы эти речи не с уговоркою,—
А срубил я, сказнил твою буйну голову».
А на босу ногу башмачки да он нахватывал,
На одно плечо солопчик все натягивал,
Поскоре того брал да золоты ключи;
А выходил Владимир да на красно крыльцо,
А закричал Владимир да громким голосом:
«А уж вы ой еси, ключники-замочники!
А возьмите-ка вы да золоты ключи,
А откатите камень да все ведь серое,
А разбросайте-ка плитки все железные,
А отмыкайте замки вы все булатные,
А отпирайте двери да все укладные,
А выпускайте-ка Дунаюшка на белый свет,
А на белый-от свет да на почестен пир».
Да на то эти слуги да не ослушались;
Да пошли они да во чисто поле,
Откатали камень да все серое,
Раскидали тут плитки да все железные,
Отмыкали замки тут все булатные,
Отпирали тут двери да все укладные,
А они звали Дунаюшка на почестен пир:
«А уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
А пойдём-ка, Дунаюшка, на белый свет,
А на белый свет да на почестен пир,
А еще хлеба да соли тут покушати,
Перевару пить али зелена вина,
А со князем со Владимиром думу думати.
А без тебя, Дунаюшка, нонь пир не йдет».
А первой ногой ступил тут на ступенек он,
А второй ногой ступил на мать — сыру землю,
А проходя идет Дунай да по чисту полю,
А проходя идет Дунай да ко красну крыльцу,

А проходя идет Дунай да по новым сеням,
 А проходя идет Дунай да во светлу гридню.
 Он ведь крест-от кладет тут по-писаному,
 А поклон он ведет тут по-ученому;
 А еще князю Владимиру челом не бьет,
 А челом не бьет да головы не гнет;
 А только падал в ноги брату крестовому:
 «А спасибо те, брателка крестовый мой
 А да молоды Добрынюшка Никитич млад!
 А не ты мне-ка брателка крестовый был,
 А не бывати-то мне, брат, на святой Руси,
 А не видать-то мне бела свету,
 А не слыхать-то читья-петья церковного,
 А не слыхивать звону да колокольного».
 А говорит тут Владимир да стольнокиевский:
 «А проходи-ка, Дунай да сын Иванович;
 А садись-ко се, Дунай, да за дубовый стол,
 А за дубовый стол да на почестен пир;
 А выбирай себе место, где те надобно».
 А еще тут Дунай да сын Иванович
 А выбрал место, где ему надобно,
 А он пониже-то Илеюшки стара казака,
 А повыше-то Добрынюшки Никитича.
 А наливал Владимир да зелена вина,
 А подавал Дунаю сыну Ивановичу.
 «А уж ты выпей-ка, Дунай да сын Иванович!»
 А наливал чару да во второй раз тут,
 Наливал ему да все во третий раз,
 Еще стал тут у Дунаюшка все спрашивать:
 «Ай да послушай-ка, Дунай да сын Иванович!
 А еще все у нас во городе тут поженены,
 А девицы-души красны замуж выданы;
 А один я только молодец холост хожу,
 А холост хожу, я неженат слыву.
 А не знаешь ли ты мне-ка где обручницы,
 А обручницы мне да супротивницы,
 Супротивницы мне да красной девицы:
 А котора чтобы девица станом статна,
 А станом статна да ростом высока,
 Тиха-модна походочка павиная,
 А тиха-смирна речь лебединая,
 А очи ясны у нее, будто у сокола,
 Черны брови у нее, будто у соболя,
 А ресницы у нее да два чистых бобра,
 А еще ягодицы да будто маков цвет,
 Лицо бело у нее да будто белый снег,
 А руса коса у нее до шелкова пояса?»
 А говорил тут Дунай да сын Иванович:

«А послушай-ка, Владимир да стольнокиевский!
 А во том же во городе во Ляхове,
 У того короля у ляховинского
 А еще есть тут Апраксея-королевична;
 А сидит она во горенке однешенька,
 Она ткет все красенца да все шелковые;
 По туборочкам у нее да сизы голуби,
 А по набилочкам у нее да ясны соколы,
 А по подножечкам у ней да черны соболи».
 А говорил Владимир да стольнокиевский:
 «А уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
 А поезжай-ка ты ко городу ко Ляхову,
 А ко тому королю да ляховинскому».
 А говорил тут Дунай да сын Иванович:
 «А послушай-ка, Владимир да стольнокиевский!
 А еще как я поеду ко городу ко Ляхову,
 А к тому королю да ляховинскому?
 А еще нету у меня да платья цветного,
 А еще нету у меня да все добра коня,
 А еще нету у меня сбруи да лошадиной».
 А да спроговорил Владимир стольнокиевский:
 «А уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
 А снаряжайся, Дунай, по-дорожному:
 А дам я тебе да платье цветное,
 А дам я тебе да коня доброго».
 А говорил тут Дунай да сын Иванович:
 «А мне дай-ка брателка крестового
 А да молода Добрынюшку Никитича».
 А еще зачали богатыри снаряжаться,
 Еще зачали могучи отправляться;
 А седлали, уздали они добрых коней.
 А у князя-то Владимира спросились,
 У него они благословились.
 А садились добры молодцы на добрых коней,
 А поехали они во путь-дороженьку.
 А да приехали ко городу они ко Ляхову,
 А к тому королю да ляховинскому,
 А вязали тут коней они ко красну крыльцу.
 Да пошел Дунай да в нову горницу,
 А к тому королю ляховинскому;
 А он крест-от кладет да по-писаному,
 А поклон-от ведет да по-ученому.
 А да встретил его король да ляховинский тут:
 «А проходи-ка, Дунай да сын Иванович!
 А во работнички пришел ко мне, во служаночки?
 А у меня тебе работка да не тяжелая,
 А не тяжела работка, да заботлива».
 А говорил тут Дунай да сын Иванович:

«А не в работнички пришел я, не в служаночки;
 Я пришел к тебе нонче посвататься,
 А за того за князя за Владимира
 А на той же Апраксеи-королевичне».
 Еще тут королю тс за беду пришло,
 А за велику досаду показалось:
 «А не отдам я за вора, за разбойника,
 Не отдам я за плута, за мошенника,
 Не отдам я за 'ночного полуночника,
 Не отдам я за князя за Владимира».
 А говорил тут Дунай да сын Иванович:
 «А да добром ли ты дашь, так мы добром возьмем;
 А добром не дашь, так возьмем силою».
 А брал короля да во белы руки,
 А метал короля да во полы кирпичные.
 А еще тут король да ляховинский же
 А отпирал тут окно да все косящето,
 А заиграл да он во турий рог:
 «А уж вы ой еси, татары все поганые,
 А те же мурзыки все неверные!
 А собирайтесь ко мне вы да на широкий двор,
 А возьмите-ка русских богатырей».
 А еще тут Дунай да сын Иванович
 А пошел во гриднюшку во столовую,
 А где сидит Апраксея-королевична,
 А она ткет красенца все шелковые.
 А говорила тут Апраксея-королевична:
 «А проходи-ка, Дунай да сын Иванович!
 А садись-ка, Дунай, да за дубовый стол,
 А бери-ка, Дунай, ты звончаты гусли,
 А утешай-ка меня да красну девушку».
 А говорил Дунай да сын Иванович:
 «А ты послушай-ка, Апраксея-королевична!
 А не играть я пришел к тебе в звончаты гусли,
 А не утешать я тебя да красну девушку;
 А я пришел к тебе нонче посвататься
 А да за того за князя за Владимира;
 А вставай-ка, Апраксея, на резвы ноги,
 А бери-ка, Апраксея, золоты ключи,
 А одевайся, Апраксея, по-дорожному».
 А Апраксея-королевична тут не ослушалась;
 А вставала она да на резвы ноги,
 А брала она да золоты ключи,
 А отпирала двери да все укладные.
 А по новым-то сеням тут ручьи бегут,
 А тут ручьи бегут крови горячеей.
 А да Апраксея-королевична стала плакати:
 «А умела меня маменька породити,

А умел меня батюшка вспоить-вскормить,
А умел меня батюшка хорошо срядить,
А умел меня батюшка всему выучить,—
А не умел меня батюшка взамуж отдать,
А без бою нонь меня да все без драки тут,
Без большого-великого кровопролитьца».
А еще тут Добрынюшка Никитич млад
А он прибил-пригубил всю силу неверную,
А пропустил он, пролил да нонь горячу кровь,
А снарядилась Апраксея по-дорожному.
А выводили они ее на красно крыльцо,
Ай да садили они да на добрых коней,
А повезли ко городу Киеву,
А к тому же ко князю ко Владимиру.

ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ

Как ехал он, Добрыня, целы суточки,
Как и выехал на дорожку на почтовую,
Как едет Добрынюшка-то почтовой,
Как едет-то Добрынюшка, посматриват,
Как видит — впереди его проехано,
На коне-то, видит, ехано на богатырском.
Как стал-то он коня своего подшевеливать,
Как стал-то он плетью натягивать,
Догнать надь и этого богатыря.
Как ехал-то Добрынюшка скорешенько,
Как нагнал-то богатыря да чужестранного,
Скричал Добрыня тут да во всю голову:
«Как сказывай топерiku, какой земли,
Какой же ты земли да какой орды,
Чьего же ты отца да чьей матери?»
Как говорит богатырь нунеку:
«Если хочется узнать тебе-то топерiku,
Так булатом-то переведаемся».
Как налетел-то Добрынюшка скорешенько,
Как разгорелось его сердце богатырское,
Как хотел-то еще хлопнуть палицей богатыря,
Как рука у него в плечи застоялася,
Как отвернулся тут Добрыня поскорешенько,
Как повыехал Добрыня в сторонку,
Поразъехался теперь да на палицы
И ударил палицей стародревний дуб;
Как все тут на куски разлетелось,
И знает, что силушка по-старому;
Как отправился по-старому к богатырю
И кричал-то тут Добрыня во всю голову:
«Как сказывай, дружище, ты какой земли,
Какой земли да какой орды,

Чьего же ты отца да чьей ты матери?»
«Если хочется тебе узнать, какой земли,
Так булатом переведаем».
Как разгорелось сердце богатыря,
Как хлыстнул Добрынюшка добра коня,
Как занес-то он палицу во сорок пуд,
Как в плечи-то тут рука застоялася,
Как скочил-то тут Добрынюшка с добра коня,
Как прибегал Добрынюшка к богатырю,
Как ставал Добрыня пред богатырем,
Как говорил ему да таково слово:
«Ну сказывай топерiku, какой земли,
А сказывай топерiku, какой орды,
А сказывай, чьего отца, чьей ты матери?»
«Послушай-ка топерiku, я что скажу:
Земли-то нахожусь я Ханаанской,
А я та ведь Настасьюшка Никулична».
Как подходил-то тут Добрынюшка скорешенько,
Опускал ее с коня тихошенько,
И говорил-то он Настасьюшке Никуличной:
«Рука у меня в плечи да застоялася,
То убил бы я Настасьюшку Никуличну».
Как стал-то он к Настасьюшке похаживать,
Как стал-то он Настасьюшку подсватывать:
«Поди-ка ты, Настасьюшка Никулична,
Поди-ка ты да замуж за меня».
Как садились да тут-то на Добрынина коня,
Как поехали-то они в одну сторону,
Приехали к Добрыне на широкий двор,
Как заходили в терема они в высокие,
Как царю они топерiku доложились:
«Красно солнышко Владимир стольнокиевский!
Как приехал-то Добрынюшка Никитинец,
Как привез-то он невесту из другой земли,
Как хочет-то на ней да жениться,
Приглашает-то да тебя да на почестный пир.
Красно солнышко Владимир стольнокиевский,
Приходи-ка ты ко мни да на почестный пир
Со своей-то дорогой своей Апраксией».
Как тут да у них почестный пир пошел,
Свадьбой провели да и окончили,
И все да на пиру напивались,
И все да на пиру наедались.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ
И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

У ласкова князя Владимира,
У солнышка у Сеславьича,
Было столованье, почестный пир
На многих князей, бояров,
И на всю на поленицу богатую,
И на всю на дружину на храбую.
Он и всех поит и всех чествует,
Он-де всем-де князь поклоняется;
И в полупиру бояре напивались
И в полукушаньях наедались.
Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват
И могучими плечами поворачиват
И сам говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои князья и бояры,
Ой ты, вся поленица богатая
И вся моя дружина храбая!
Кто бы послужил мне, князю, верой-правдою,
Верой-правдою неизменною?
Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Поленецкую,
К царю Батуру Батвесову?
Кто бы свез ему дани-пошлины
За те за годы за прошлые
И за те времена — за двенадцать лет?
Кто бы свез сорок телег чиста серебра,
Кто бы свез сорок телег красна золота,
Кто бы свез сорок телег скатна жемчуга,
Кто бы свез сорок сороков ясных соколов,
Кто бы свез сорок сороков черных соболей,
Кто бы свез сорок сороков черных выжлыков,
Кто бы свел сорок сивых жеребцов?»

Тут большой за меньшего хоронится,
 Ни от большого, ни от меньшего ответу нет.
 Из того из места из среднего
 И со той скамейки белодубовой
 Выступал удалый добрый молодец
 На свои на ноженьки на резвые,
 На те ли на сапожки зелен сафьян,
 На те ли каблучки на серебряны,
 На те ли гвоздички золочены,
 По имени Василий сын Казімерский.
 Отошедши, Василий поклоняется,
 Говорит он таковы слова:
 «Ой ты гой еси, наш батюшка Владимир-князь!
 Послужу я тебе верой-правдою,
 По за очи, в очи не изменю;
 Я-де съезжу в землю дальнюю,
 В дальнюю землю, Поленецкую,
 Ко тому царю Батуру ко Батвесову;
 Я свезу твои дани-пошлины
 За те за годы, годы прошлые,
 За те времена — за двенадцать лет;
 Я свезу твое золото и серебро,
 Я свезу твой скатной жемчуг.
 Свезу сорок сороков ясных соколов,
 Свезу сорок сороков черных соболей,
 Свезу сорок сороков черных выжлыков,
 Я сведу твоих сорок сивых жеребцов».
 Тут Василий закручинился
 И повесил свою буйну голову,
 И потупил Василий очи ясные
 Во батюшко во кирпичат пол;
 Надевал он черну шляпу, вон пошел
 Из того из терема высокого.
 Выходит на улицу на широкую,
 Идет по улице по широкой;
 Навстречу ему удалый добрый молодец
 По имени Добрыня Никитич млад.
 Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
 «Здравствуешь, удалый добрый молодец,
 По имени Василий сын Казімерский!
 Что идешь ты с пиру невеселый?
 Не дошло тебе от князя место доброе,
 Не дошла ли тебе чара зелена вина?
 Али кто тебя, Василий, избесествовал,
 Али ты захвастался куда ехати?»
 И тут Василий ровно бык прошел.
 Забегат Добрынюшка во второй раз;
 Пухову шляпу снимал, низко кланялся:

«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
То по имени Василий сын Казимерский!
Что идешь ты с пиру невеселый,
И не весел ты идешь, не радощен?
Не дошло ль те, Василий, место доброе,
Не дошла ль от князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василий, куда ехати?»
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегат Добрынюшка в третий-де раз;
Пухову шляпу снимат, низко кланется:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерский!
Что ты идешь с пиру невеселый,
Не весел ты идешь с пиру, не радощен?
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе,
Не дошла ль тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчестовал,
Али ты захвастался куда ехати?
Я не выдам тебя у дела ратного
И у того часу скоросмертного!»
И тут Василий возрадуется:
Сохватал Добрыню он в беремечко,
Прижимат Добрынюшку к сердечушку
И сам говорит таковы слова:
«Гой еси, удалый добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад!
Ты, Добрыня, будь большой мне брат,
А я, Василий, буду меньший брат.
Я у ласкова князя Владимира
На беседе на почестныя,
На почестныя, на большом пиру
Я захвастался от князя съездити
Во ту во землю во дальнюю,
Ко царю Батуру ко Батвесову —
Свезти ему дани-выходы
За те годы — за двенадцать лет;
Свезти туда злато, серебро,
Свезти туда скатный жемчуг,
Свезти сорок сороков ясных соколов,
Свезти сорок сороков черных соболей,
Свезти сорок сороков черных выжлыков,
Свести сорок сивых жеребцов».
И проговорит Добрыня Никитич млад:
«Не возьмем везти от князя от Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины,—
Мы попросим от собаки Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины».
И тут молодцы побратались,

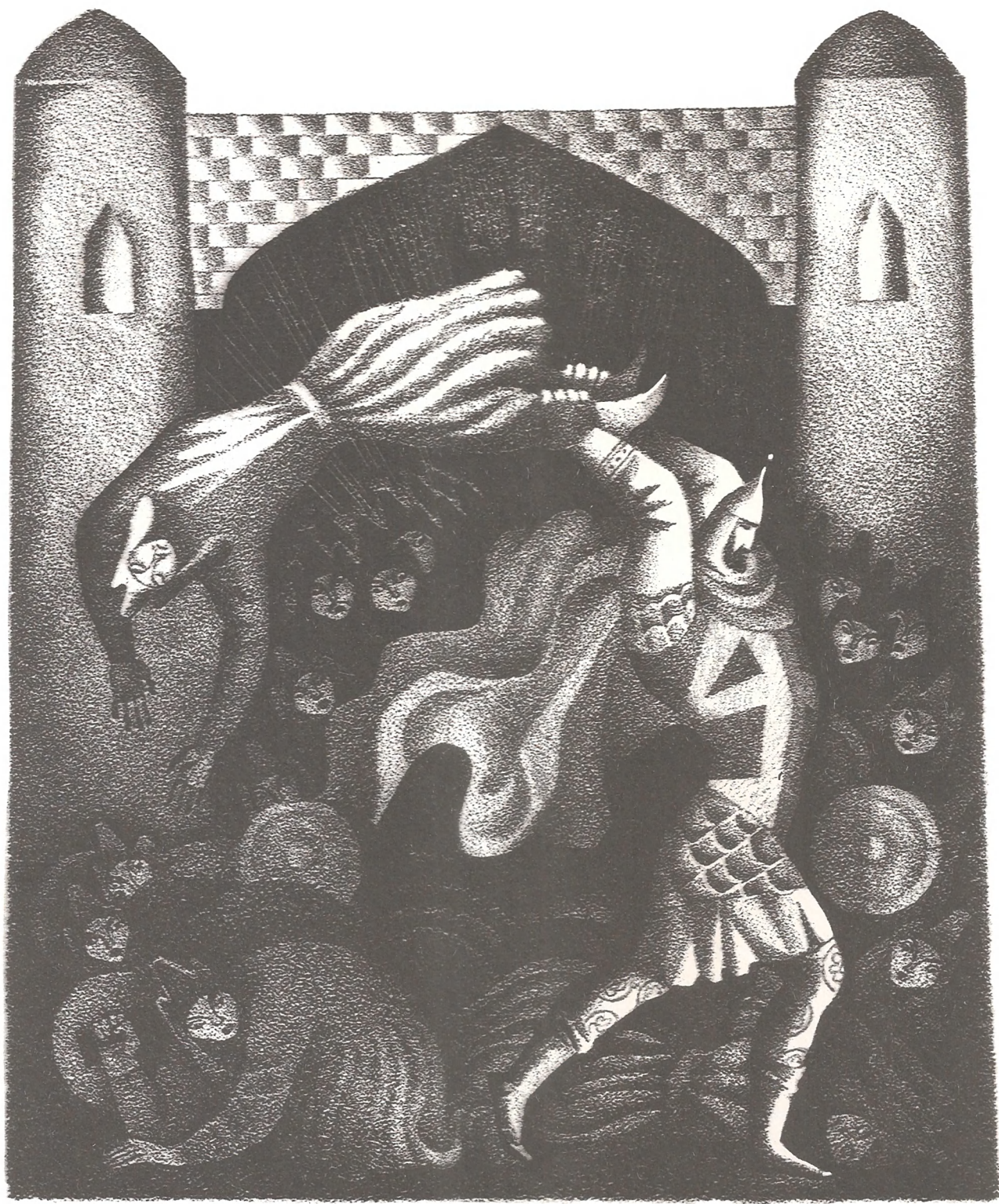
Воротились назад ко князю Владимиру.
Идут они в палаты белокаменны,
Крест кладут по-писаному
И поклон ведут по-ученому,
Поклоняются на все стороны,
Князьям, боярам — на особицу.
«Здравствуешь, Владимир-князь,
И со душечкою со княгинею!»
И поговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василий сын Казимерский,
Со Добрынюшкой со Никитичем
За один бы стол хлеб-соль кушати!»
Наливает князь чары зелена вина,
Не малы чары — в полтора ведра.
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают молодцы единой рукой,
Выпивают чары единым духом
И садятся на скамеечки дубовые,
Сами говорят таковы слова:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины,—
Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
Привезти от него дани-пошлины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир-князь,
Садись ты за дубовый стол,
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
«Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те за годы за прошлые
И за те времена — за двенадцать лет;
И дай ты нам злата, серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжлыков,
И дай ты нам сивых жеребцов».
Подает ласковый Владимир-князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты,
И берет Василий Казимерский
И кладет ярлычки во карманчики;
И встают молодцы на резвы ноги,
Сами говорят таковы слова:
«Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
Нам съездить в землю Поленецкую».
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистели молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.

Как из далеча-далеча, из чиста поля
Два коня бегут да два могучие,
Со всею сбруею богатырскою.
Брали молодцы коней да за шелков повод,
И ставали в стременышки гольяшные,
И садились во седельшки черкасские.
Только от князя и видели,
Как удалы молодцы садились,
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Подбегают они в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Полевецкую,
К тому царю Батуру ко Батвесову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрых коней,
Ни к чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников,
Отворяли они двери на пятах,
Заходили в палату белокаменну,
Богу молодцы не молятся,
Собаке Батуру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Здравствуешь, собака, царь Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
И вынимат Василий Казимерский,
Вынимат ярлыки скорописчаты
Из того карману шелкового
И кладет на дубовый стол:
«Получай-ка, собака, дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
Распечатывал собака Батур Батвесов,
Распечатывал ярлыки скорописчаты,
А сам говорил таковы слова:
«Гой еси, Василий сын Казимерский,
Отсель тебе не уехати!»
Отвечат Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на мати чудную пресвятую богородицу,
Надеюсь на родимого на брателка,
На того ли братца на названого,
На Добрыню ли на Никитича».
Говорит собака Батур таковы слова:
«Поиграемте-ка, добры молодцы, костью, картами!»

Проговорит Василий сын Казимерский:
«Таковой игры я у те не знал здесь,
И таковых людей из Киева не брал я».
И стал Батур играть костью, картами
Со младым Добрынею Никитичем.
Первый раз собака не мог обыграть,
Обыграл Добрыня Никитич млад;
И второй раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад;
И в третий раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
Тут собаке за беду стало,
Говорит Батур-собака таковы слова,
Что отсель тебе, Василий, не уехати!
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на мати пресвятую богородицу
Да надеюсь на родимого на брателка,
На того на братца названого,
На того Добрыню Никитича».
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский!
Станем мы стрелять за три версты,
За три версты пятисотные,
За тот сырой дуб кряковистый,
Попадать в колечко золоченое».
И проговорит Василий сын Казимерский:
«А такой стрельбы я у тебя не знал
И таковых людей не брал из Киева».
Выходил собака на красно крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
«Гой еси вы, слуги мои верные!
Несите мне-ка тугой лук
И несите калену стрелу».
Его тугой лук несут девять татаринов,
Калену стрелу несут шесть татаринов.
Берет собака свой тугой лук
И берет калену стрелу;
Натягивает собака свой тугой лук
И кладет стрелу на тетивочку,
И стреляет он за три версты,
За три версты пятисотные.
Первый раз стрелил — недóстрелил,
Второй раз стрелил — перéстрелил,
Третий раз стрелил — не мог попасть.
И подает свой тугой лук Добрынюшке,
Добрынюшке Никитичу,
И подает калену стрелу.
Стал натягивать Добрыня тугой лук,

И заревел тугой лук, как лютые звери,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое,
И бросал он тугой лук о сыру землю,
Направлял он калену стрелу наперед жалом,
И бросал он стрелу за три версты,
За три версты пятисотные,
И попадал в сырой дуб кряковистый,
Во то колечко золочено,—
Разлетался сырой дуб на драночки.
И тут собаке за беду стало,
За великую досаду показалось;
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,
Что отсель тебе не уехати!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на пречистую богородицу
Да надеюсь на родимого на брателка,
Да на того братца названного,
На того Добрыню Никитича».
Проговорит собака царь Батур:
«Да нельзя ли с вами, молодцы, побороться?»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я такой борьбы, собака, не знаывал,
Таковых людей не брал из Киева».
И тут собаке за беду стало;
Он кричал, зычал, собака, зычным голосом;
Набежало татар — и силы сметы нет.
И выходил Добрыня на улицу на широко,
И стал он по улочке похаживать.
Сохватались за Добрыню три татарина;
Он первого татарина взял — рáзорвал,
Другого татарина взял — растоптал.
А третьего татарина взял за ноги,
Стал он по силе похаживать,
Зачал белыми руками помахивать,
Зачал татар поколачивать:
В одну сторону идет — делат улицу,
Вбок вернет — переулочек.
Стоял Василий на красном крыльце,
Не попало Василью палицы боевыя,
Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копыя мурзамецкого,
Попала ему ось белодубова,
Ось белодубова семи сажень;
Сохватал он ось белодубову,
Зачал он по силе похаживать
И зачал татар поколачивать.
Тут собака испужается,

По подлавицю навалается;
Выбегал собака на красно крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
«Гой еси, удалы добры молодцы!
Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
Вы оставьте мне татар хоть на племена».
Тут его голосу молодцы не слушают.
Зычит, кричит собака зычным голосом:
«Я отдам ласкову князю Владимиру,
Отдам ему дани и пошлины
За те за годы за прошлые,
За те времена — за двенадцать лет;
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлыков,
Отдам сорок сивых жеребцов».
Тут его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю.
Идут они ко высокоу нову терему,
Выдает им собака дани-пошлины,
Насыпает тележки златокованные,
Отправляет в стольный Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тут садились добры молодцы на добрых коней,
Ставали во стременышки гольяшные
И садились в седельшки черкасские,
И поехали молодцы в свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Едут ко высокоу нову терему,
Становятся на улицу на широку,
Воходят во палату белокаменну.
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь!»
«Добро жаловать, удалы добры молодцы!»
Он садит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зелена вина,
Не малые чары — в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают молодцы единой рукой,
Выпивают молодцы единым духом,
На резвы ноги встают, низко кланяются:
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Привезли мы тебе дани-пошлины

От собаки Батура Батвесова!»
Кланяется им ласковый Владимир-князь,
Кланяется до сырой земли:
«Спасибо вам, удалы добры молодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною!»

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И АЛЕША ПОПОВИЧ

Добрынюшка-тот матушке говаривал,
Да Никитинич-от матушке наказывал:
«Ты, свет, государыня да родна матушка,
Честна вдова Амельфа Александровна!
Ты зачем меня, Добрынюшку несчастного, породила?
Породила, государыня бы родна матушка,
Ты бы беленьким горючим меня камешком,
Завернула, государыня да родна матушка,
В тонкольяный было белый во рукавичек
Да вздынула, государыня да родна матушка,
Ты на высокоу на гору сорочинскую
И спустила, государыня да родна матушка,
Меня в Черное бы море, во турецкое,—
Я бы век бы там, Добрыня, во море лежал,
Я отныне бы лежал да я бы до веку,
Я не ездил бы, Добрыня, по чисту полю,
Я не убивал, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасныя,
Не слезил, Добрыня, отцов-матерей,
Не вдовил бы я, Добрынюшка, молодых жен,
Не спущал бы сиротать да малых детушек».
Ответ держит государыня да родна матушка,
Та честна вдова Амельфа Александровна:
«Я бы рада бы тебя, дитятко, породити:
Я таланом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да богатыря,
Я бы смелостью во смелого Алешу во Поповича,
Я походкою тебя щापливою
Во того Чурилу во Пленковича,
Я бы вежеством в Добрыню во Никитича,
Только тыи статьи есть, а других бог не дал.
Других бог статей не дал да не пожаловал».

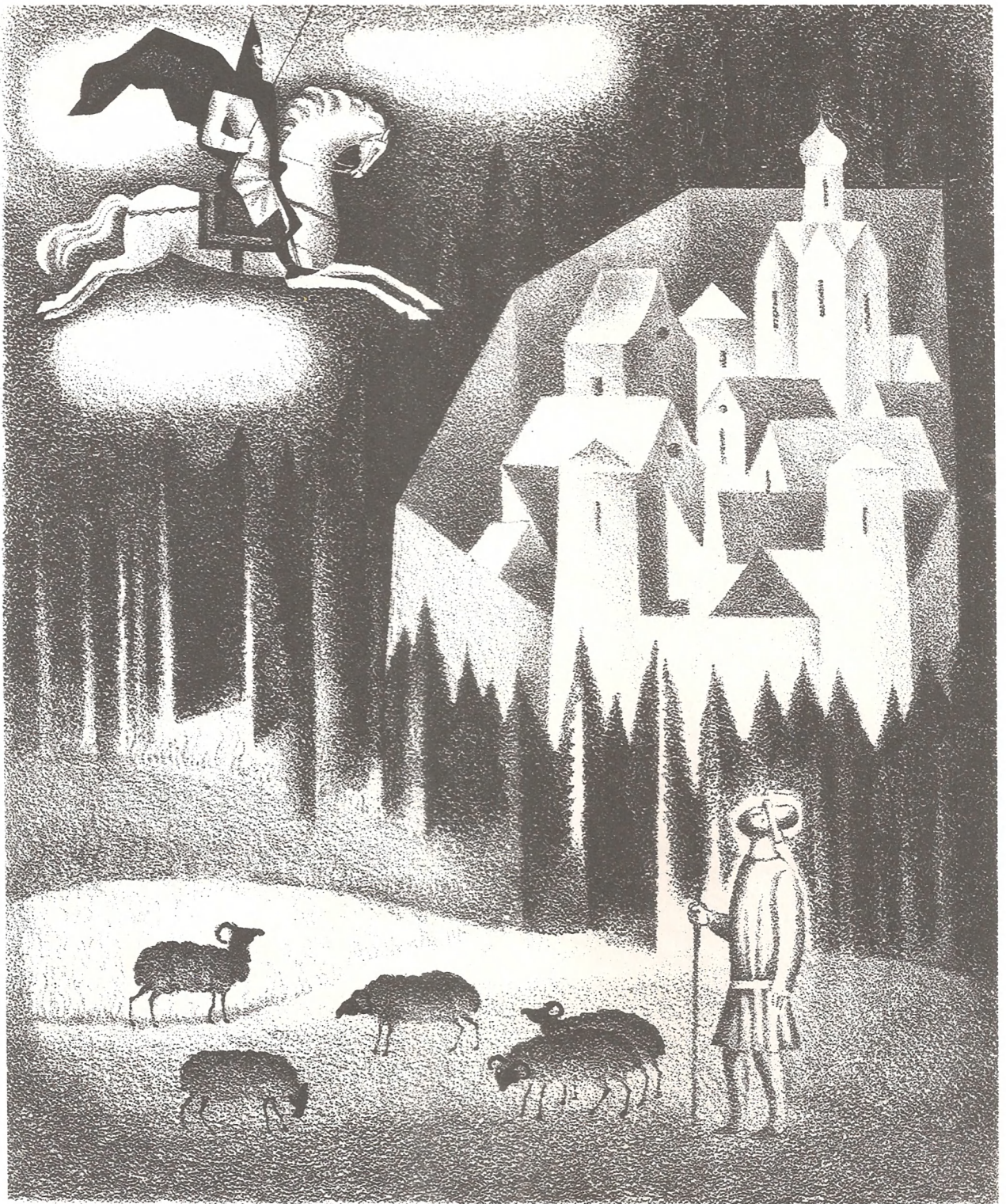
Скоро-наскоро Добрыня он коня седлал,
 Садился он скоро на добра коня,
 Как он потнички да клал да на потнички,
 А на потнички клал войлочки,
 Клал на войлочки черкальское седельшко,
 Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
 Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
 Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
 Добра молодца в чистом поле не вырутил.
 Подпруги были шелковые,
 А шпеньки у подпруг всё булатные,
 Пряжки у седла красна золота.
 Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
 Красно золото не ржавеет.
 Молодец-то на коне сидит, да сам не стареет,
 Провожала-то Добрыню родна матушка.
 Простилася и воротилася,
 Домой пошла, сама заплакала.
 А у тыя было у стремины у правыя,
 Провожала-то Добрыню любима семья,
 Молода Настасья дочь Никулична
 (Она была взята из земли Ханаанской).
 Сама говорит да таково слово:
 «Ты когда, Добрынюшка, домой будешь?
 Когда ожидать Добрыню из чиста поля?»
 Ответ держит Добрынюшка Никитинич:
 «Когда меня ты стала спрашивать,
 Так теперича тебе я стану сказывать:
 Ожидай меня, Добрынюшку, по три года.
 Если в три года не буду, жди по друго три,
 А как исполнится то время шесть годов,
 Как не буду я, Добрыня, из чиста поля,
 Поминай меня, Добрынюшку, убитого.
 А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная:
 Хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
 Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,
 А хоть за русского могучего богатыря,
 Только не ходи за моего за брата за названного
 Ты за смелого Алешу за Поповича».
 Его государыня-то родна матушка,
 Она учала как по полате-то похаживать,
 Она учала как голосом поваживать.
 И сама говорит да таково слово:
 «Единое ж было да солнце красное,
 Нонь теперь за темны леса да закатилося,
 Только оставался млад светел месяц.
 Как единое ж было да чадо милое,
 Молодой Добрыня сын Никитинич,

Он во далече, далече, во чистом поле,
Судит ли бог на веку хоть раз видать?
Еще только оставалась любима семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
На роздей тоски великою кручинушки».
Стали ожидать Добрыню из чиста поля по три года
А й еще по три года, еще по три дня,
Сполнилось времени целых три года,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Стали ожидать Добрыню по другое три,
Тут как день за днем да будто дождь дождит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год-тот за годом да как река бежит.
Прошло тому времени другое три,
Да как сполнилось времени да целых шесть годов,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Как во тую пору да во то время
Приезжал Алеша из чиста поля,
Привозил им весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки-Никитича,
Он убит лежит да на чистом поле:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плечи да испрострелены,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Как тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясные,
Скорбила-то свое да лицо белое
По своем роженоем по дитятке,
А по молодом Добрыне по Никитичу.
Тут стал солнышко Владимир-то похаживать
Да Настасью-то Никуличну посватывать,
Посватывать да подговаривать:
«Что тебе жить да молодой вдовой
А й молодой век да свой коротати,
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
Хоть за смелого Алешу за Поповича».
Говорит Настасья дочь Никулична:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Я исполнила заповедь ту мужнюю —
Я ждала Добрыню целых шесть годов,
Я исполню заповедь да свою женскую:
Я прожду Добрынюшку друго шесть лет.
Как исполнится времени двенадцать лет,
Да успею я в те поры замуж пойти».
Опять день за днем да будто дождь дождит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год-тот за годом да как река бежит,

А прошло тому времени двенадцать лет,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Тут стал солнышко Владимир да похаживать,
Он Настасью-то Никуличну посватывать,
Посватывать да подговаривать:
«Ты эй, молода Настасья дочь Никулична!
Как тебе жить да молодой вдовой,
А молодой век да свой коротати.
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
А хоть за смелого Алешу да Поповича».
Не пошла замуж ни за князя, ни за боярина,
Ни за русского могучего богатыря,
А пошла замуж за смелого Алешу да Поповича,
Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу.
В тую ль было пору, а в то время,
А Добрыня-то случился у Царь-града,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, волчья сыть да ты медвежья шерсть!
Ты чего сегодня подтыкаешься?»
Исповещится как ему добрый конь,
Ему голосом да человеческим:
«Ах ты, эй, хозяин мой любимая!
Над собой невзгодушки не ведаешь:
А твоя Настасья-королевична,
Королевична она замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодня им идти да ко божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу».
Тут молодой Добрыня сын Никитинич,
Он бьет бурка промежду уши,
Промежду уши да промежду ноги,
Что стал его бурушка поскакивать,
С горы на горы да с холма на холму,
Он реки и озера перескакивал,
Где широкие раздолья — между ног пушал.
Буде во граде во Киеве.
Как не ясный сокол в перелет летел,
Добрый молодец да в перегон гонит,
Не воротми ехал он — через стену,
Через тую стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому придворью ко вдовиному;
Он на двор заехал безобсылочно,

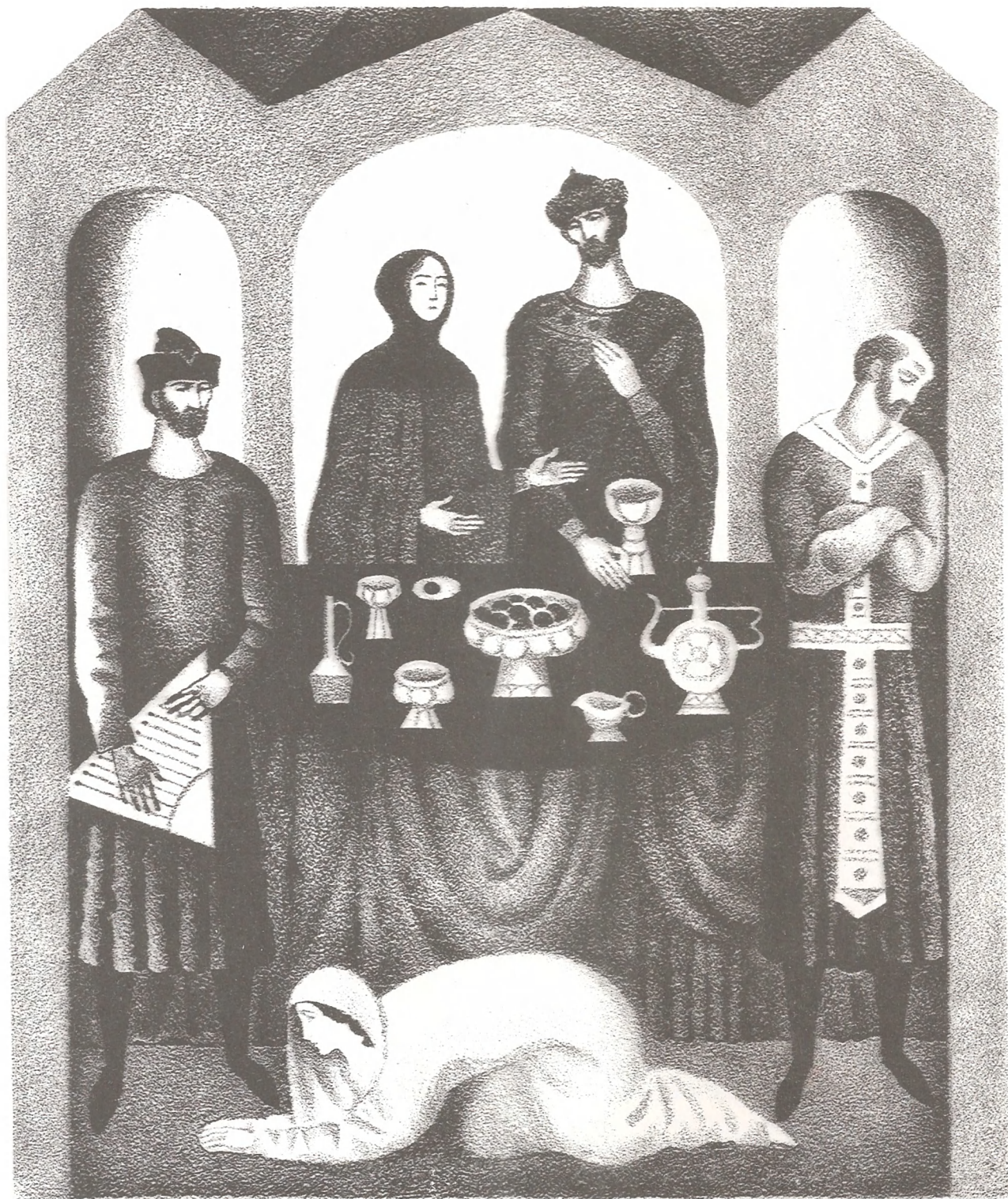
А в палаты идет да бездокладочно,
 Он не спрашивал у ворот да приворотников,
 У дверей не спрашивал придверников;
 Всех он взащей прочь отталкивал,
 Смело проходил в палаты во вдовиные,
 Крест кладет да по-писаному,
 Он поклон ведет да по-ученому,
 На все три, четыре да на стороны,
 А честной вдове Амельфе Александровне да в особину:
 «Здравствуешь, честная вдова Амельфа Александровна!»
 Как вслед идут придверники да приворотники,
 Вслед идут, все жалобу творят,
 Сами говорят да таково слово:
 «Ах ты, эй, Амельфа Александровна!
 Как этот-то удалый добрый молодец,
 Он наехал с поля да скорым гонцом,
 Да на двор заехал безобсылочно,
 В палаты-то идет да бездокладочно,
 Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
 У дверей не спрашивал придверников
 Да всех взащей прочь отталкивал,
 Смело проходил в палаты во вдовиные».
 Говорит Амельфа Александровна:
 «Ты, эй, удалый добрый молодец!
 Ты зачем же ехал на сиротский двор да безобсылочно,
 А в палаты ты идешь да бездокладочно,
 Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,
 У дверей не спрашивашь придверников,
 Всех ты взащей прочь отталкивашь?
 Кабы было живо мое чадо милое,
 Молодой Добрыня сын Никитинич,
 Отрубил бы он тебе-ка буйну голову
 За твои поступки неумильные».
 Говорил удалый добрый молодец:
 «Я вчера с Добрыней поразъехался,
 А Добрыня поехал ко Царю-граду,
 Я поехал да ко Киеву».
 Говорит честна вдова Амельфа Александровна:
 «Во тую ли было пору во перво шесть лет
 Приезжал Алеша из чиста поля,
 Привозил нам весточку нерадостну,
 Что нет жива Добрынюшки Никитича,
 Он убит лежит да во чистом поле:
 Буйна голова его испроломана,
 Могучи плеча да испрострелены,
 Головой лежит да в част ракивов куст.
 Я жалешенько тогда ведь по нем плакала,
 Я слезила-то свои да очи ясные,

Я скорбила-то свое да лицо белое
По своем рожоном по дитятке,
Я по молодом Добрыне по Никитичу».
Говорил удалый добрый молодец:
«Что наказывал мне братец-то названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Спросить про его про любиму семью,
А про молоду Настасью про Никуличну».
Говорит Амельфа Александровна:
«А Добрынина любима семья замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко божьей церкви,
Принимать с Алешкой по злату венцу».
Говорил удалый добрый молодец:
«А наказывал мне братец-от названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич:
Если случит бог быть на пору тебе во Киеве,
То возьми мое платье скоморошское
Да возьми мои гуселышка яровчаты
В новой горенке да все на стопочке».
Как бежала тут Амельфа Александровна,
Подавала ему платье скоморошское
Да гуселышка ему яровчаты.
Накрутился молодец как скоморошиной,
Да пошел он на хорош почестный пир,
Идет как он да на княженецкий двор,
Не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил во палаты княженецкие;
Тут он крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
На все три-четыре да на стороны,
Солнышку Владимиру да в особину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольнокиевский,
С молодой княгиней со Апраксией!»
Вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, все жалобу творят,
Сами говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!
Как эта я удала скоморошина
Наехал из чиста поля скорым гонцом,
А теперича идет да скоморошиной,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей он нас не спрашивал придверников
Да всех нас взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в палаты княженецкие».

Говорил Владимир стольнокиевский:
«Ах ты, эй, удала скоморошина!
Зачем идешь на княженицкий двор да безобсылочно,
А й в палаты идешь бездокладочно,
Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь придверников,
А всех ты взащей прочь отталкивал?»
Скоморошина к речам да не вчуется,
Скоморошина к речам не примется,
Говорит удала скоморошина:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!
Скажи, где есть наше место скоморошское?»
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Что ваше место скоморошское
А на той на печке на муравленой,
На муравленой на печке да на запечке».
Он вскочил скоро на место на показано,
На тую на печку на муравлену.
Он натягивал тетивочки шелковые,
Тыи струночки да золоченые,
Он учал по струночкам похаживать,
Да он учал голосом поваживать.
Играет-то он ведь во Киеве,
А на выигрыш берет во Царь-граде.
Он повыиграл во граде во Киеве,
Он во Киеве да всех поименно,
Он от старого да всех до малого.
Тут все на пиру игры заслушались,
И все на пиру призамолкнулись,
Сами говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!
Не быть это удалой скоморошине,
А какому ни быть надо русскому,
Быть удалому да добру молодцу».
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Ах ты, эй, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую,
Опускайся-ко из печки из запечка,
А садись-ко с нами да за дубов стол,
А за дубов стол да хлеба кушати.
Теперь дам я ти три места, три любимых:
Перво место сядь подле меня,
Друго место — супротив меня,
Третье место — куда сам захошь,
Куда сам захошь, еще пожалуешь».
Опускалась скоморошина из печки из муравленой,
Да не села скоморошина подле князя,
Да не села скоморошина да супротив князя,

А садилась в скамеечку
Супротив княгини-то обручныя,
Против молодой Настасьи да Никуличны,
Говорит удала скоморошина:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Благослови-ко налить чару зелена вина,
Поднести-то эту чару, кому я знаю,
Кому я знаю, еще пожалую».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Ах ты, эй, удала скоморошина!
Была дана те поволька да великая,
Что захочешь, так ты то делай,
Что ты вздумаешь, да еще й то твори».
Как тая удала скоморошина
Наливала чару зелена вина,
Да опустит в чару свой злачен перстень
Да подносит-то княгине обручныя,
Сам говорил да таково слово:
«Ты, эй, молода Настасья дочь Никулична!
Прими-ко сию чару единой рукой,
Да ты выпей-ко всю чару единым духом.
Как ты пьешь до дна, так ты видашь добра,
А не пьешь до дна, так не видашь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единым духом,
Да обсмотрит в чаре свой злачен перстень,
А которым с Добрыней обручалася,
Сама говорит таково слово:
«Вы, эй же, вы, князи, да вы, бояра.
Вы все же князи вы и дворяна!
Ведь не тот мой муж, да кой подле меня,
А тот мой муж, кой супротив меня:
Сидит мой муж да на скамеечке,
Он подносит мне-ка чару зелена вина».
Сама выскочит из стола да из-за дубова,
Да й упала Добрыне во резвы ноги,
Сама говорит да таково слово:
«Ты, эй, молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты прости, прости, Добрынюшка Никитинич,
Что не по твоему наказу да я сделала,
Я за смелого Алешеньку замуж пошла,
У нас волос долог, да ум короток,
Нас куда ведут, да мы туда идем.
Нас куда везут, да мы туда едем».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую разуму я женскому:
Муж-от в лес, жена и замуж пойдет,
У них волос долог, да ум короток,

А дивую я солнышку Владимиру
Со своей княгиней со Апраксией,
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Апраксия да была свахою,
Они у жива мужа жену да просватали».
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю.
Говорит Алешенька Левонтьевич:
«Ты прости, прости, братец мои названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты в той vine прости меня, во глупости,
Что я посидел подле твоей любимой семьи,
Подле молодой Настасии да Никуличной».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«А в той vine, братец, тебя бог простит,
Что ты посидел подле моей да любимой семьи,
Подле молодой Настасии Никуличны.
А в другой vine, братец, тебя не прощу.
Когда приезжал из чиста поля во первые шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича:
Убит лежит да на чистом поле.
А тогда-то государыня да моя родна матушка
А жалешенько она да по мне плакала.
Слезила-то она свои да очи ясныя,
А скорбила-то свое да лицо белое,—
Так во этой vine, братец, тебя не прощу».
Как ухватит он Алешу за желты кудри,
Да он выдернет Алешу через дубов стол,
Как он бросит Алешу о кирпичен мост
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он учал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь,
Да только-то Алешенька и женат бывал.
Всяк-то, братцы, на веку ведь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай бог женитьбы той Алешиной.
Тут взял Добрыня свою да любиму семью,
Молоду Настасью да Никуличну,
И пошел к государыне да к родной матушке,
Да он сделал доброе здоровьице.
Тут век про Добрыню старину скажут,
А синему морю на тишину,
А вам, добрым людям, на послушанье.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

В славном городе во Муроме,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец,
Крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косящето,
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромец,
Крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широких,
Сиднем сижу цело тридцать лет,
Не владаю ни руками, ни ногами».
Опять говорят калики перехожие:
«Вставай-ка, Илья, на резвы ноги.
Отворяй-ка ворота широкие,
Пускай-то калик к себе в дом».
Вставал Илья на резвы ноги,
Отворял ворота широкие,
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие.
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.

Как выпил-то чару питица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал:
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:
«Будешь ты, Илья великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею поленицею удалою;
А только не выходи драться
С Святогором-богатырем:
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном-богатырем:
У него на голове семь власов ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым:
Его любит матушка — сыра земля;
Не ходи еще на Вольгу Сеславьича:
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себе богатырского:
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в сруб на три месяца,
Корми его пшеном белояровым,
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому:
Как станет жеребчик через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону,
Поезжай на нем куда хочешь,
Будет носить тебя».
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо пал от дубья-колодья:
Он дубье-колодье все повырубил,
В глубоку реку все повыгрузил,
А сам пошел домой.
Встали отец с матерью от крепкого сна — испужалися:
«Что это за чудо подеялось?
Кто бы это нам сработал работушку?»
Работа-то была поделана.
И пошли они домой.
Как пришли домой, видят:

Илья Муромец ходит по избе.
Стали его спрашивать,
Как он выздоровел.
Илья и рассказал им,
Как приходили калики перехожие,
Поили его питищем медвяным:
И с того он стал владать руками и ногами
И силушку получил великую.
Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика косматенького.
Покупал Илья того жеребчика,
Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,
Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой;
И прошло поры-времени три месяца,
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы его выкатывал,
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурушко через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону.
Тут Илья Муромец
Седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшка, у матушки
Прощеньице-благословеньице
И поехал в раздольице чисто поле.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли-то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородний добрый молодец;
Он стоял заутреню во Муроме,
Ай к обедне поспеть хотел он в стольный Киев-град,
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона;
Так пехотою никто тут не похаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват,
А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
Ай побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град;
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводу.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводу.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
Ай по той ли по дорожке прямоезжеей

Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал:
Как у той ли-то у грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у поклапыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит злодей Разбойник по-звериному.
И от его ли-то от посвисту соловьего,
И от его ли-то от покрику звериного
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
Ай окольной дорожкой целая тысяча».
Он пустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал,
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березе ко поклапыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,
Закричал злодей Разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да потыкается;
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам;
Говорил-то он Илья да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,

Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да Соловьиного.
В том гнездышке да Соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых;
Бóльшая дочка смотрит во окошечко косящето,
Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
Да везет он мужичища-деревенщину,
Да у правого стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшко раздольцем чистым полем
Да й везет он мужичища-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-тка рогатины звериные,
Да бежите-тка в раздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья то есть да Соловьиные,
Похватали как рогатины звериные
Да й бежали-то они да й во чисто поле
К тому ли мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-тка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьцем медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные».

Эти зятевя да Соловьиные
 Побросали-то рогатины звериные
 Ай зовут-то мужика да й деревенщину
 Во то гнездышко во Соловьиное;
 Да й мужик-то деревенщина не слушатся,
 А он едет-то по славному чисту полю,
 Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
 Он приехал-то во славный стольный Киев-град
 А ко славному ко князю на широкий двор.
 А й Владимир-князь он вышел со божьей церкви,
 Он пришел в палату белокаменну,
 Во столовую свою во горенку.
 Они сели есть да пить да хлеба кушати,
 А й тут старья казак да Илья Муромец
 Становил коня да посередь двора,
 Сам идет он во палаты белокаменны,
 Проходил он во столовую во горенку,
 На пятау он дверь-то поразмахивал,
 Крест-от клал он по-писаному,
 Вел поклоны по-ученому,
 На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся.
 Самому князю Владимиру в особину,
 Еще всем его князьям он подколенным.
 Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
 «Ты скажи-тка, ты откулешной, дородний добрый молодец.
 Тебя как-то молодца да именем зовут,
 Звеличают удалого по отечеству?»
 Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
 «Есть я с славного из города из Мурома,
 Из того села да с Карачарова,
 Есть я старья казак да Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович!»
 Говорит ему Владимир таковы слова:
 «Ай же ты, старья казак да Илья Муромец!
 Да й давно ли ты повыехал из Мурома,
 И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»
 Говорил Илья он таковы слова:
 «Ай ты славныя Владимир стольнокиевский!
 Я стоял заутреню христовскую во Муроме,
 А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град.
 Да моя дорожка призамешкалась;
 А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
 Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град.
 Ехал мимо эту грязь да мимо Черную,
 Мимо славну реченьку Смородину,
 Мимо славную березу-ту покляпую,
 Мимо славный ехал Леванидов крест».
 Говорил ему Владимир таковы слова:

«Ай же мужичище-деревенщина!
 Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
 Во глазах, мужик, да насмехаешься!
 Как у славного у города Чернигова
 Нагнано тут силы много множество,
 То пехотою никто да не прохаживал,
 И на добром коне никто да не проезживал,
 Туда серый зверь да не прорыскивал,
 Птица черный ворон не пролетывал;
 А у той ли-то у грязи-то у Черной,
 Да у славной у речки у Смородины,
 А й у той ли у березы у покляпыя,
 У того креста у Леванидова,
 Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын;
 То как свищет Соловей да по-соловьему,
 Как кричит злодей Разбойник по-звериному,
 То все травушки-муравы улетаются,
 А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
 Темны лесушки к земле все приклоняются,
 А что есть людей, то все мертвы лежат».
 Говорил ему Илья да таковы слова:
 «Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
 Соловей Разбойник на твоём дворе,
 Ему выбито ведь право око со косицею,
 И он к стремени булатному прикованный».
 Тут Владимир-князь-от стольнокиевский
 Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
 Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
 То он шапочку соболью на одну ушко,
 Он выходит-то на свой-то на широкий двор
 Посмотреть на Соловья Разбойника.
 Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
 «Засвищи-тка, Соловей, ты по-соловьему,
 Закричи-тка, собака, по-звериному».
 Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
 «Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
 А не вас-то я хочу да и послушати,
 Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
 Да его хочу-то я послушати».
 Говорил-то как Владимир-князь да стольнокиевский:
 «Ай же старья казак ты Илья Муромец!
 Прикажи-тка засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
 Прикажи-тка закричать да по-звериному».
 Говорил Илья да таковы слова:
 «Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
 Засвищи-тка ты в полсвисту соловьего,
 Закричи-тка ты во полкрику звериного».
 Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:

«Ай же старья казак ты Илья Муромец,
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарныи:
Не могу засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному,
Ай вели-тка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да уста мои сахарни порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья-тот князю он Владимиру:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тка к Соловью к Разбойнику».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыма,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-то Соловей одним духом,
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покривились,
А оконенки во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то людишек, так все мертвы лежат;
А Владимир-князь-от стольнокиевский
Куньей шубонькой он укрывается.
Ай тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тка свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тка кричать да по-звериному,
Тебе полно-тка слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тка вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тка пущать-то сиротать да малых детушек».
А тут Соловью ему и славу поют.
А й славу поют ему век по веку.

БУНТ ИЛЬИ ПРОТИВ ВЛАДИМИРА

Сделал князь Владимир почестен пир
На князей, на бояр, на русских богатырей
И на всю поленицу удалую,
А забыл позвать старого казака Илью Муромца.
Тут Илюшеньке стало зарко:
Скоро он натянул тугий лук,
Кладывает стрелочку каленую,
Стрелил он тут по божьим церквам,
По божьим церквам да по чудным крестам,
То тьим маковкам золоченым.
Вскричал-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычным голосом:
«Ах вы, голь кабацкая, доброхоты царские!
Ступайте пить со мной заодно зелена вина,
Обирать-то маковки золоченые!»
Тут-то пьяницы, голь кабацкая,
Бежат, прискакивают, радуются:
«Ах ты, отец наш, родный батюшка!»
Пошли обирать о царев кабак.
Продавают маковки золоченые,
Берут золоту казну бессчетную
И начали пить зелена вина.
Видит князь Владимир стольнокиевский,
Что пришла беда неминуемая,
Сделал другожды почестен пир
Для того для старого казака Ильи Муромца.
Тут они думу думают,
Кого послать Илью позвать,
Старого казака Илью Муромца.
Тут-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,

У них крестами побраталось;
Кладена была заповедь великая,
Подписи были подписаны:
Слухать большому брату меньшего,
А меньшему брату большего.
Приходит Добрыня Никитинич:
«Ай же братец крестовый названный,
Старый казак Илья Муромец!
У нас кладена заповедь великая,
У нас подписи были подписаны:
Слухать большому брату меньшего,
А меньшему брату большего,
А дружка за дружку обем стоять».
Тут Илюша воспроговорит:
«Ай же братец крестовый названный,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Кабы не ты, никого бы не послушал,
Не пошел бы на почестен пир,—
А нельзя закон переступить».
Тут они сокрутились,
Тут они снаряжались,
Пришли тут ко князю ко Владимиру,
Во тую во гридню во столовую.
Тут дают Илье место не меньшее,
Давают Илье место большее,
Сажает молодца в большой угол,
Да несли они чару зелена вина,
Другую рядили к нему меду пьяного.
Говорит Илья таково слово:
«Ай же ты, Владимир стольнокиевский!
Знал, кого послать меня позвать!
Кабы не братец крестовый названный,
Никого я не послушал бы.
А было намерение наряжено —
Натянуть тугой лук разрывчатый,
А класть стрелочка каленая,
Стрелить во гридню во столовую,
Убить тебя, князя Владимира,
Со стольною княгиней с Апраксией,
А ноне тебя бог простит
За эту за вину за великую!»

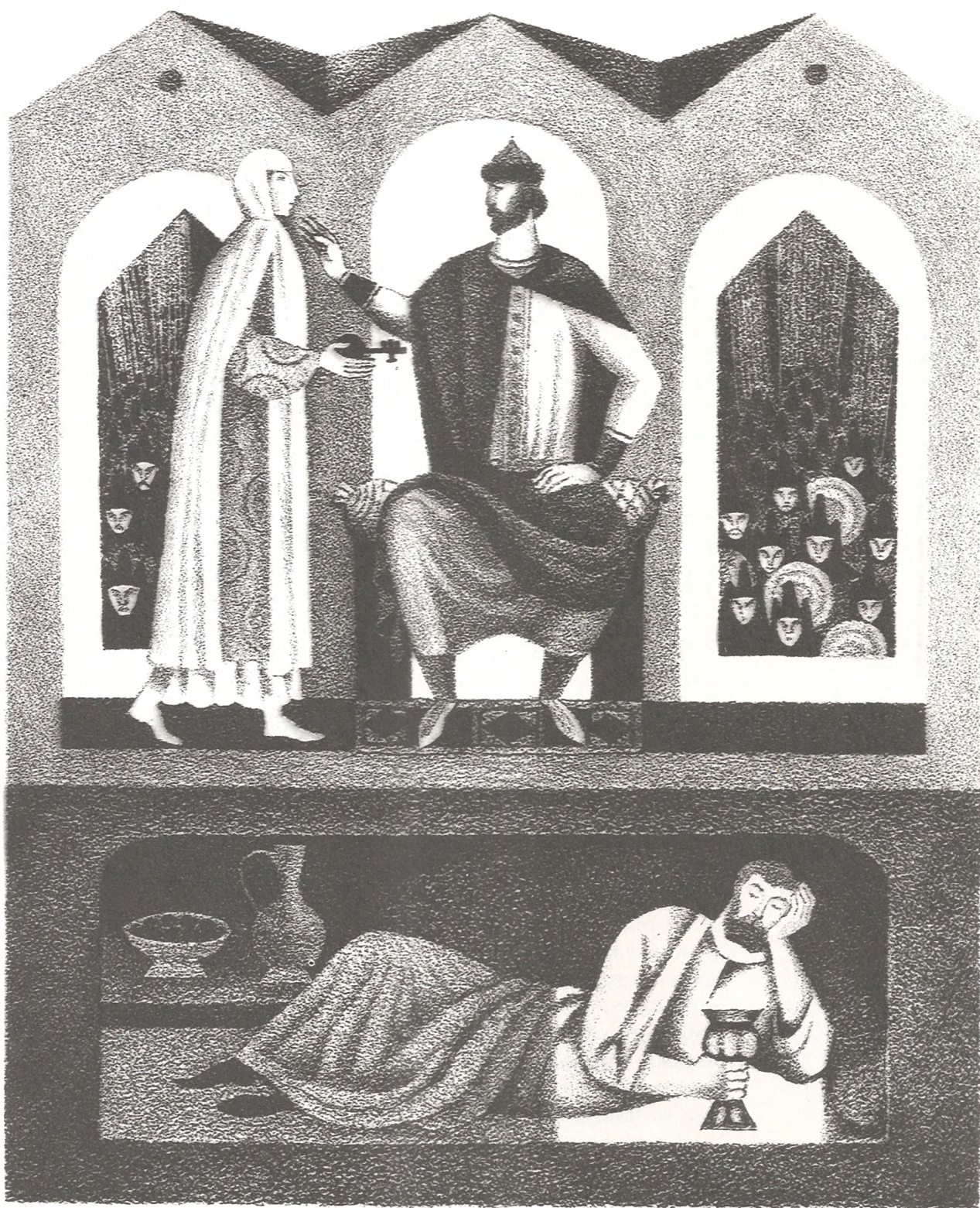

ИЛЬЯ И КАЛИН-ЦАРЬ

Как Владимир-князь да стольнокиевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во холодныи
Да на три-то́ года по́ры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая;
Она видит, это дело есть немалое,
А что посадил Владимир-князь да стольнокиевский
Старого каза́ка Илью Муромца
В тот во погреб во холодныи;
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы побережь он князя да Владимира,
Мог бы побережь Апраксу-королевичну.
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенных,
Приказала-то на погреб на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она ествушку поставить да хорошую
И одежду смéнять с нова на́ ново
Тому старому казаку Илье Муромцу.
А Владимир-князь про то не ведает.
И воспылал-то тут собака Ка́лин-царь на Киев-град:
И хотит он ро́зорить да стольный Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить
Да со той Апраксой-королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,

И дает ему он грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
«Как поедешь ты во стольный Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольнем во Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на его на широком дворе,
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да и спущай коня ты на посыльный двор,
Сам поди-тко во палату белокаменну;
Да пройдеши палатой белокаменной,
Да и войдешь в его столовую во горенку,
На пята ты дверь да поразмахивай,
Не снимай-ка кивера с головушки,
Подходи-ка ты ко столику к дубовому,
Становись-ка супротив князя Владимира,
Полагай-ка грамоту на золот стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский,
Ты бери-тко грамоту посыльную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано;
Очищай-ка ты все улички стрелецкие,
Все великие дворы да княженицкие,
По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широким
Да по всем-то переулкам княженицким
Наставь сладких хмельных напитков,
Чтоб стояли бочка о бочку близко-поблизку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войсками со великими
Во твоём во городе во Киеве».
Тут поезжает посланник в стольный Киев-град.
Он сел, молодец, да на добра коня,
Приезжал во славный стольный Киев-град,
Заезжал ко князю на широкий двор,
Становил коня да богатырского,
Выходил на матушку — сыру землю,
Он спускал коня во двор да не привязывал,
Скоро шел в палату белокаменну,
На пята он дверь да поразмахивал,
Не запирает дверей в палату белокаменну,
Не снимал он кивера да со головушки,
Не кладет креста он по-писаному,
Не ведет поклонов по-ученому,
А он князю Владимиру не кланялся,
Его всем князьям да подколенным,
Положил он грамоту на золот стол.
То Владимир-князь да стольнокиевский

Брал-то книгу он посыльную,
Да и грамоту ту распечатывал,
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано,
И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие двóры княженецкие
Да наставить сладких хмельных напитков —
А по всем по улицам широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Видит, есть это делó не малое,
А не мало дело-то, великое;
А сажился-то Владимир-князь да на черленый стул,
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты, собака да и Калин-царь!
Дай-ка мне ты поры-временечки на три́ году,
На три го́ду дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня,
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княжецкие,
Накурить мне сладких хмельных напитков,
Да й наставить по всему-то городу по Киеву,
Да й по всем по улицам широкиим,
По всем славным переулкам княженецкиим».
Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину;
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-временечки на три́ году,
На три го́ду дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.
Еще день за день ведь — как и дождь дождит,
А неделя за неделей — как река бежит;
Прошло поры-временечки да три году,
А три го́ду да три месяца,
А три месяца и ёще три-то дня;
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
Он подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Нет жива́-то старого казака Ильи Муромца;
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божие,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира

Да и той Апраксы-королевичной!»
 Говорит ему любима дочь да таковы слова:
 «Ай ты, батюшко Владимир-князь наш стольнокиевский!
 Ведь есть жив-то старьи казак да Илья Муромец;
 Ведь он жив на погребѣ холодномъ».
 Тут Владимир-князь-от стольнокиевский
 Он скорешенько берет за золоты ключи
 Да идет на погреб на холодный,
 Отмыкает он скоренько погреб да холодный
 Да подходит ко решеткам ко железным,
 Растворил-то он решетки да железные:
 Да там старьи казак да Илья Муромец,
 Он во погребѣ сидит-то, сам не старится;
 Там перинушки-подушечки пуховые,
 Одежда снесены там теплые,
 Ествушка поставлена хорошая,
 А одежды на нем да живет сменная.
 Он берет его за ручушки за белые,
 За его за перстни за злаченные,
 Выводил его со погребѣ холодного,
 Приводил его в палату белокаменну,
 Становил-то он Илью да супротив себя,
 Целовал в уста его сахарные,
 Заводил его за столики дубовые,
 Да садил Илью-то он подлі себя,
 И кормил его да ествухой сахарнею,
 Да поил-то питьем медвяным,
 И говорил-то он Ильѣ да таковы слова:
 «Ай же старьи казак да Илья Муромец!
 Наш-то Киев-град нынѣ в полону стоит,
 Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
 Со своимъ со войсками со великимъ.
 А постой-ка ты за веру, за отечество,
 А постой-ка ты за славный Киев-град,
 Да постой за матушки божьи церкви,
 Да постой-ка ты за князя за Владимира,
 Да постой-ка за Апраксу-королевичну!»
 Так тут старьи казак да Илья Муромец
 Выходил он с палаты белокаменной
 Шел по городу он да по Киеву,
 Заходил в свою палату белокаменну,
 Да спросил-то как он паробка любимого,
 Шел со паробком да со любимым
 А на свой на славный на широкий двор,
 Заходил он во конюшенку в стоялую,
 Посмотрел добра коня он богатырского.
 Говорил Илья да таковы слова:
 «Ай же ты, мой паробок любимый,

Верный ты слуга мой безыменный,
Хорошо держал моего коня ты богатырского!»
Целовал его он во уста сахарные,
Выводил добра коня с конюшенки стоялыми
А й на тот на славный на широкий двор.
А й тут старыи казак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он заседлывать:
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек;
Потничек он клал да ведь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седлышко недержано;
А подтягивал двенадцать подпругов шелко́вых,
А шпилечики он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества,
Ради крепости все богатырской:
Еще подпруги шелко́вы тянутся, да о́ни не́ рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки-ты красна золота,
Они мокнут, да не ржавеют.
И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал ко́пье боржамецкое,
А еще брал сво́ю саблю вострую,
А й еще брал шалыгу подорожную.
И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко во́йскам ко татарским —
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнанó-то силы много множество,
Как от покрику от челове́чьего,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старыи казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушки наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую —
Ко́нца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскочил он на́ гору на дру́гую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны —
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился с той со го́ры со высокии,

Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы
И у белых шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той с горы высокии
И поехал по раздольицу чисту полю;
Приезжал Илья к шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тех шатров у белых,
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотно стоят у белого,
Они зоблют-то пшену да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастья великого».
Он накинул поводы шелковые
На добра коня да й богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
«А й допустят ли то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому —
Позобать пшену да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшену да белоярову;
Старый казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.
Приходит Илья Муромец во бел шатер;
В том белом шатре двенадцать-то богатырей,
И богатыри все святорусские;
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри да святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«А й поди ты, крестничек любимыи,
Старый казак да Илья Муромец,
А садись-ка с нами пообедати».
И он выстал ли да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовались,
Посадили Илью Муромца да за единый стол —
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец, да он тринадцатый.
Они побели, попили, пообедали,

Выходили с-за стола из-за дубового,
 Они господу богу помолилися.
 Говорит им старьи казак да Илья Муромец:
 «Крестный ты мой батюшка Самсон Самойлович
 И вы, русские могучие богатыри!
 Вы седлайте-тко добрых коней,
 А й садитесь вы да на добрых коней,
 Поезжайте-тко да во раздольице чисто поле,
 А й под тот под славный стольный Киев-град.
 Как под нашим-то под городом под Киевом
 А стоит собака Калин-царь,
 А стоит со войсками великима,
 Разорить хотит он стольный Киев-град,
 Чернедь-мужиков он всех повырубить,
 Божьи церкви все на дым спустить,
 Князю-то Владимиру да со Апраксой-королевичной
 Он срубить-то хочет буйны головы.
 Вы постойте-тко за веру, за отечество,
 Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град;
 Вы постойте-тко за церкви-ты за божие,
 Вы поберегите-тко князя Владимира
 И со той Апраксой-королевичной!»
 Говорит ему Самсон Самойлович:
 «Ай же крестничек ты мой любимый,
 Старьи казак да Илья Муромец!
 А й не будем мы да и коней седлать,
 И не будем мы садиться на добрых коней,
 Не поедem мы во славно во чисто поле,
 Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
 Да не будем мы стоять за стольный Киев-град;
 Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
 Да не будем мы беречь князя Владимира
 Да еще с Апраксой-королевичной:
 У него ведь есте много да князей, бояр,
 Кормит их и поит да и жалует,
 Ничего нам нет от князя от Владимира».
 Говорит-то старьи казак да Илья Муромец:
 «Ай же ты, мой крестный батюшка,
 Ай Самсон да ты Самойлович!
 Это дело у нас будет нехорошее.
 Вы седлайте-тко добрых коней,
 И садитесь-тко вы на добрых коней,
 Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
 И постойте вы за веру, за отечество,
 И постойте вы за славный стольный Киев-град;
 И постойте вы за церкви-ты за божие,
 Вы поберегите-тко князя Владимира
 И со той с Апраксой-королевичной».

Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:
«А й же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедem мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град;
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Апраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
А й тут старый казак да Илья Муромец
Он как видит, что делó ему не полюби,
А й выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,
Брал его за поводы шелковые,
Отводил от полотна от белого
А от той пшены от белояровой;
Да садился Илья на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он ко войскам ко татарским.
Не ясен сокол да напускает на гусей, на лебедей
Да на малых перелетных на серых утушек,
Напускает-то богатырь святорусский
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарской,
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет — будтó траву косит.
Его добрый конь да богатырский
Испровещился языком человеческим:
«Ай же славный богатырь святорусский!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великии:
Нагнанó у собаки царя Калина,
Нагнано той силы много множество,
И у него есте сильные богатыри,
Поляницы есте да удалые.
У него, собаки царя Калина,
Сделаны-то трои ведь подкопы да глубокие
Да во славноем раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту полю,
Будешь бить-то силу ту великую,

Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу,
Да тебя оттуль-то я повыздыну;
Как просядем мы в подкопы-то во дру́гие,
И оттуль-то я повыскочу,
И тебя оттуль-то я повыздыну;
Еще в третьии подкопы во глубокие,
А ведь тут-то я повыскочу,
Да оттуль тебя-то не повыздыну,
Ты останешься в подкопах во глубокихх».
А й ще старый казак да Илья Муромец,
Ему дело то ведь не слюбилося,
И берет он плетку шелкову в белы́ руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил он ко́ню таковы слова:
«Ай же ты, собачище изменное!
Я тебя кормлю-пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поли,
Да во тых подкопах во глубокихх!»
И поехал Илья по раздольицу чисту полю,
Во ту́ю во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила не уменьшится.
И он просел в подкопы во глубокие,
Его добрый конь оттуль повыскочил,
Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
И он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю,
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть;
И он бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
И он просел с конем да богатырским,
И он попал в подкопы-то во дру́гие;
Его добрый конь оттуль повыскочил
Да Илью оттуль повыздынул.
И он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю,
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть;
И он бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
И он попал в подкопы-ты во третьии,
Он просел с конем в подкопы-ты глубокие;
Его добрый конь да богатырскии

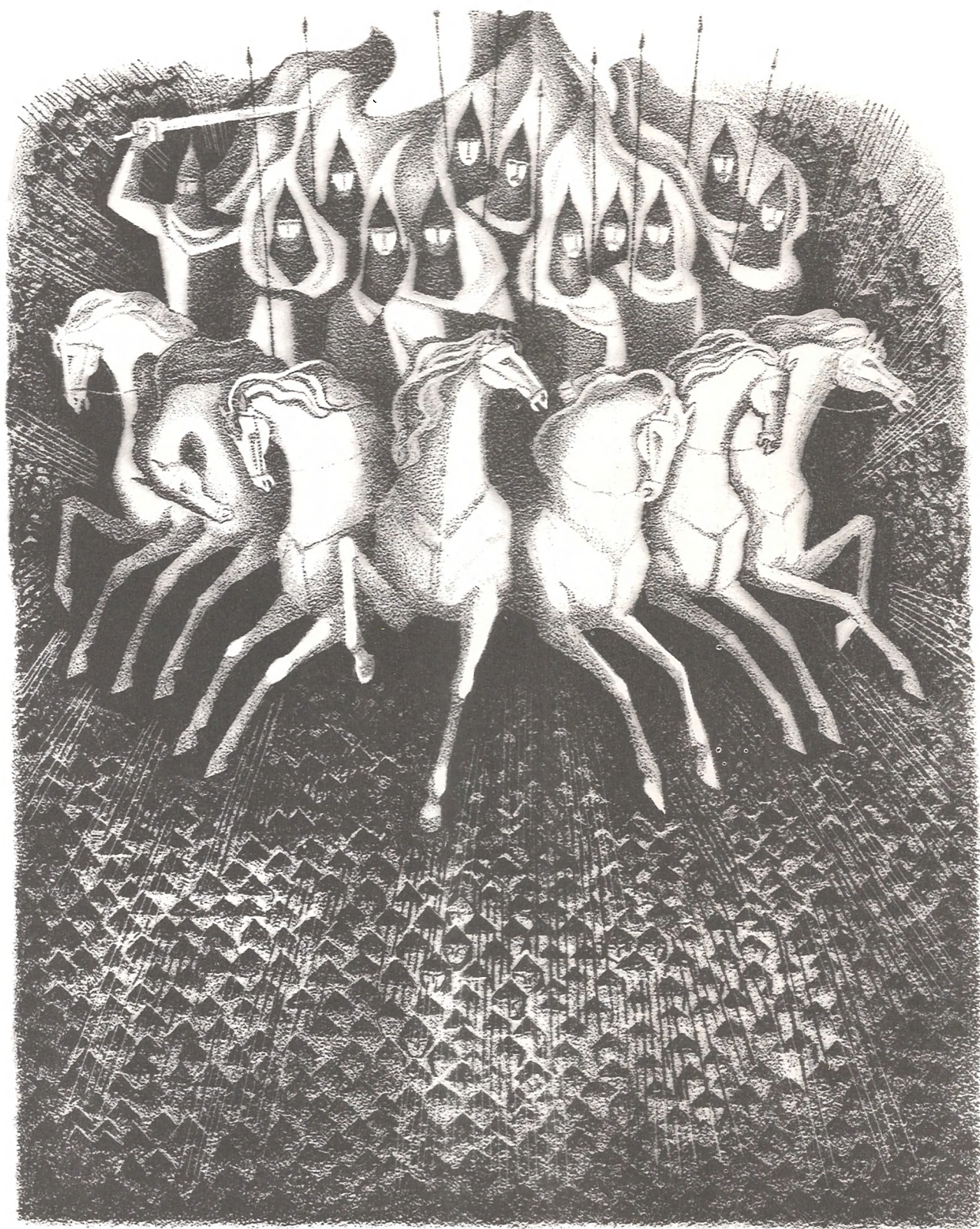
Еще с третьиих подкопов он повыскачил,
Да оттуль Ильи он не повыздынул,
Сголзанул Илья да со добра коня,
И оставался он в подкопе во глубоком.
Да пришли татара-ты поганые,
Да хотели захватить они добра коня;
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки,
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.
Тут пришли татара-ты поганые
А нападáли на старого казака Илью Муромца,
А й сковали ему ножки резвые,
И связали ему ручки белые.
Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку!»
Говорят ины татара таковы слова:
«Ай не надо рубить ему буйной гóловы,
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает».
Повели Илью да по чисту полю
А ко тым палаткам полотняным,
Приводили ко палатке полотняной,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина.
Говорили татара таковы слова:
«Ай же ты, собака да наш Калин-царь!
Захватили мы старого казака Илью Муромца
Да во тых-то во подкопах во глубоких
И привели к тебе, к собаке царю Калину:
Что ты знаешь, то над ним и делаешь».
Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы слова:
«Ай ты, старыи казак да Илья Муромец!
Молодой щенок да напустил на силу на великую,
Тебе где-то одному побить моя силá великая!
Вы раскуйте-тко Илье да ножки резвые,
Развяжите-тко Илье да ручки белые».
И расковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые.
Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же старыи казак да Илья Муромец!
Да садись-ка ты со мной а за единый стол,
Ешь-ка ествушку мою сахарную,
Да и пей-ка мои питыца медвяные,
И одежь-ка ты мою одежду драгоценную
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью;
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».

Говорил Илья да таковы слова:
«А й не сяду я с тобой да за единый стол,
Не будú есть твоих ествушек сахарных,
Не буду пить твоих питьицев медвяных,
Не буду носить твоей одежи драгоценны,
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке царю Калину,
Еще будú слúжить я за веру, за отечество,
А й будú стоять за стольный Киев-град,
А буду стоять за церкви за господние,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Апраксой-королевичной».
Тут старóй казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняной
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары-ты поганые,
Хóтят обневолить они старого казака Илью Муромца.
А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось-то доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
Старый казак да Илья Муромец
Видит он делó немалое;
Да схватил татарина он за ноги,
Тако стал татаринoм помахивать,
Стал он бить татар татаринoм,
И от него татары стали бегати,
И прошел он скрозь всю силушку татарскую,
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону,
То идет он по раздольицу чисту полю.
При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепких.
Засвистал в свисток Илья он богатырский,
Услыхал его добрый конь да во чистом поле,
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.
Еще старый казак да Илья Муромец
Как сáдился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он да на гóру на высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону:
А й под той ли под восточной под сторонущой,
А й у тых ли у шатров у белых
Стóят добры кони богатырские.
А тут старый-от казак да Илья Муромец
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тúгой лук разрывчатый в белы рúчки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,

И он спускал ту стрелочку во бел шатер,
Говорил Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрелочка каленая,
А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышу со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному
И проголзни-тко по груди ты по белыи,
Сделай-ка ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую,
Он и спит там, прохлажается,
А мне здесь-то одному да мало можется».
И он спустил как эту тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую.
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славныи во бел шатер,
Она сняла крышу со бела шатра,
Пала она, стрелочка, на белы груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка проголзнула,
Сделала она да сцапинку-то маленьку.
А й тут славныи богатырь святорусский,
А й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные;
Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелка по белой груди,
Она сцапиночку сделала да на белой груди,
И он скорешенько стал на резвыи ноги,
Говорит Самсон да таковы слова:
«Ай же славные мои богатыри вы святорусские!
Вы скорешенько седлайте-тко добрых коней,
Да садитесь-тко вы на добрых коней.
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да не любимые:
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла ведь да со бела шатра,
Да проголзнула-то стрелка по белой груди,
Она сцапинку-то дала по белой груди,
Только малу сцапинку-то дала, не великую;
Погодился мне, Самсону, крест на вороте,
Крест на вороте шести пудов;
Есть бы не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову».
Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И садились молодцы да на добрых коней

И поехали раздольцем чистым полем
Ко тому ко городу ко Киеву.
Ко тым они силам ко татарским.
А со той горы да со высокии
Усмотрел ли старыи казак да Илья Муромец,—
А то едут ведь богатыри чистым полем,
А то едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокии,
И подъехал он к богатырям ко святорусским;
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.
И приехали они ко силушке татарской,
Припустили коней богатырских,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняной;
А сидит собака Калин-царь в палатке полотняной.
Говорят-то как богатыри да святорусские:
«А срубить-то буйную головушку
А тому собаке царю Калину».
Говорил старой казак да Илья Муромец:
«А почто рубить ему да буйная головушка?
Мы свеземте-тко его во стольный Киев-град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру».
Привезли его, собаку царя Калина,
А во тот во славный Киев-град,
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
То Владимир-князь да стольнокиевский
Он берет собаку за белы руки
И садил его за столики дубовые,
Кормил его ествушкой сахарнею
Да поил-то питьицем медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же ты, Владимир-князь да стольнокиевский!
Не сруби-тко мне да буйной головы.
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век и по веку
А тебе-то, князю, я Владимиру!»
А тут той старинке и славу поют,
А по тихих мест старинка и покончилась.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ИЗГНАНИИ И ИДОЛИЩЕ

Ай во славном было городе во Киеве,
Ай у славного князя у Владимира,
Еще были-жили тут бояре кособрюхие,
Насказали на Илью-то все на Муромца —
Ай такими он словами похваляется:
«Я ведь князя-то Владимира повыживу,
Сам я сяду-то во Киев на его место,
Сам я буду у него да все князем княжить».
Ай об этом они с князем прираспорили;
Говорит-то князь Владимир таковы речи:
«Прогоню тебя, Илья да Илья Муромец,
Прогоню тебя из славного из города из Киева;
Не ходи ты, Илья Муромец, да в красен Киев-град».
Говорил-то тут Илья все таковы слова:
«А ведь придет под тебя кака сила неверная,
Да неверна-то сила бусурманская,—
Я тебя тогда хошь из неволюшки не выручу».
Ай поехал Илья Муромец в чисто поле,
Из чиста поля отправился во город-от во Муром-то,
Ай во то ли во село во Карачарово,
Как он жить-то ко своему к отцу, матушке;
Он ведь у отца живет, у матушки,
Он немало и немного живет, три года.
Тут слышал Идолище проклятое,
Еще тут ли царище все неверное —
Нету, нет Ильи-то Муромца жива три годичка.
Ай как тут стал-то Идолище подумывать,
Он подумывать стал да собираться тут;
Насбирал-то он силы все татарской,
Он татарской силы, бусурманской,
Насбирал-то он ведь силу, сам отправился.
Подошла сила татарская — бусурманская,

Подошла же эта силушка близехонько
 Ко тому она ко городу ко Киеву.
 Тут выходит татарин-от Идолище все из бела шатра,
 Он писал-то ярлычки все скорописчаты,
 Написал он в ярлычках все скорописчатых:
 «Я зайду, зайду, Идолище, во Киев-град,
 Я ведь выжгу весь ваш Киев-град, божьи церкви,
 Выбирайся, князь, из палатушек,
 Я займу, займу палаты белокаменны.
 Только я пущу в палаты белокаменны
 Апраксеюшку, возьму все королевичну;
 Я Владимира-то князя, я поставлю-то на кухню-то,
 Я на кухню-то поставлю — на меня варить».
 Посылает он татарина поганого.
 Он тут скоро, татарин-от, приходит к ним,
 Он приходит тут-то, татарин, на широкий двор,
 С широка двора в палаты княженецкие;
 Он ведь рубит-казнит у придверничков все буйны головы,
 Отдает ярлычки-то скорописчаты.
 Прочитали ярлычки скоро, заплакали;
 Говорят-то — в ярлычках да все описано:
 «Выбирайся, удаляйся, князь, ты из палатушек,
 Наряжайся ты на кухню варить поваром».
 Выбирался князь Владимир стольнокиевский
 Из своих же из палатушек скорешенько;
 Ай скорешенько Владимир выбирается,
 Выбирается Владимир — сам слезами уливается.
 Занимает Идолище княженецкие все палатушки,
 Хочет взять он Апраксеюшку себе в палатушку;
 Говорит-то Апраксеюшка таки речи:
 «Уж ты гой еси, Идолище, неверный царь!
 Ты поспеешь меня взять да во свои руки».
 Говорит-то ей Идолище да таковы слова:
 «Я уважу, Апраксеюшка, еще два денечка,
 Через два-то через дня будешь не княгиней ты,
 Не княгиней будешь жить — да все царицею».
 Разнемогся-то во ту пору казак да Илья Муромец:
 Он не мог-то за обедом пообедати,
 Разболелось у него все ретиво сердцѣ,
 Закипела у него вся кровь горячая.
 Говорит-то все Илья сам таковы слова:
 «Я не знаю, отчего да занемог совсем.
 Не могу терпеть жить-то у себя в дому;
 Надо съездить попроведать во чисто поле,
 Надо съездить попроведать в красен Киев-град».
 Он седлал, собирал своего все Белеюшка,
 Нарядил скоро своего коня доброго;
 Сам садился-то он скоро на добра коня,

Он сядил в седельшко черкасское,
Он ведь резвы свои ноги в стремяна все клал,
Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромец,
Илья Муромец поехал свет Иванович.
Он приехал тут да во чисто поле,
Из чиста поля поехал в красен Киев-град.
Он оставил-то добра коня на широком дворе,
Он пошел скоро по городу по Киеву,
Он нашел, нашел калику перехожую,
Перехожую калику, переброжую,
Попросил-то у калики все платье каличьего.
С радостью скидывал калика платице,
С радостью платье с великою.
Ай пошел скоро Илья тут под окошечко,
Под окошечко пришел, к палатам белокаменным.
Закричал же он, Илья-то, во всю голову,
Еще тем ли он ведь криком богатырским тут;
Говорил-то Илья да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Ай подай-то, князь Владимир, мне милостинку,
Ай подай-то, подай милостинку мне спасеную,
Ты подай, подай мне, ради Христа, царя небесного,
Ради матери божьей, царицы богородицы».
Говорит-то Илья да Илья Муромец,
Говорит-то он, кричит все во второй након:
«Ай подай ты, подай милостину спасеную,
Ай подай-ка ты, красно мое солнышко,
Уж ты, ласковый, подай, да мой Владимир-князь!
Ай не для-ради подай ты для кого-нибудь,
Ты подай-ка для Ильи, ты, Ильи Муромца,
Ильи Муромца, подай, сына Ивановича».
Тут скорехонько к окошечку подходит князь,
Отпирает ему окошечко косящето,
Говорит-то князь да таковы речи:
«Уж ты гой еси, калика перехожа,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-то все, калика, не по-прежнему,
Не по-прежнему живу, не по-досельному:
Я не смею подать милостинки всё спасенные;
Не дает-то ведь царище мне Идолище
Поминать-то он Христа, царя небесного,
Во-вторых-то, поминать да Илью Муромца.
Уж лишился я палат все белокаменных;
Ай живет у мня поганое Идолище,
Во моих-то во палатах белокаменных;
Я варю-то на него, все живу поваром.
Подношу-то я татарину все кушанье».
Закричал-то тут Илья да во третьей након:

«Ты поди-ка, князь Владимир, ты ко мне выйди,
 Не увидели чтобы царище, повара его:
 Я скажу тебе два тайных-то словечушка».
 Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,
 Он выходит на широку светлу улочку.
 «Что ты, красно наше солнышко, похудело,
 Что ты, ласков наш Владимир-князь ты стольнокиевский?
 Я ведь чуть теперь тебя признать могу».
 Говорит-то князь Владимир стольнокиевский:
 «Я варю-то, все живу за повара;
 Похудела-то княгиня Апраксея-королевична,
 Она день-от ото дня да все еще хуже».
 «Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,
 Еще ласков князь Владимир стольнокиевский!
 Ты не мог узнать Ильи да Ильи Муромца?»
 Падал тут ведь Владимир во резвы ноги:
 «Ты прости, прости, Илья, ты виноватого!»
 Подымал скоро Илья князя из резвых ног,
 Обнимал-то он его своей ручкой правою,
 Прижимал-то князя Владимира да к ретиву сердцу,
 Целовал-то он его в уста сахарные:
 «Не тужи-то ты теперь, красно солнышко!
 Я тепере из неволюшки тебя повыручу;
 Я пойду теперь к Идолищу в палату белокаменну.
 Я скажу, скажу Идолищу поганому:
 «Я пришел-то, царь, к тебе все посмотреть тебя».
 Говорит-то тут ведь красно наше солнышко,
 Что Владимир-князь да стольнокиевский:
 «Ты поди, поди к царищу во палатушки!»
 Ай заходит тут Илья да во палатушки,
 Он заходит-то ведь, говорит да таковы слова:
 «Ты поганое сидишь да все Идолище,
 Еще тут ли сидишь да царь неверный ты!»
 Я пришел, пришел тебя да посмотреть теперь».
 Говорит-то все поганое-то Идолище,
 Говорит-то тут царище-то неверное:
 «Ты смотри на меня — я не гоню тебя!»
 Говорит-то тут Илья да Илья Муромец:
 «Я пришел к тебе да скору весть принес,
 Скору весточку принес, весть нерадостну:
 Все Илья-то ведь Муромец живехонек,
 Ай живехонек он, все здоровешенек;
 Я встретил его да во чистом поле;
 Он остался во чистом поле поездить-то,
 Что поездить-то ему да пополяковать,
 Завтра хочет он приехать в красен Киев-град».
 Говорит ему Идолище да все неверный царь:
 «Еще велик ли,— я спрошу у тя, калика,— Илья Муромец?»

Говорит-то калика-то Илья Муромец:
«Илья Муромец-то будет он во мой же рост».
Говорит-то тут Идолище, выпрашивают:
«Э, помногу ли ест хлеба Илья Муромец?»
Говорит-то калика перехожая:
«Он ведь кушат-то хлеба по-единому,
По-единому-одному он по ломтю к выти».
«Он помногу ли ведь пьет да пива пьяного?»
«Он ведь пьет пива пьяного всего один пивной стакан».
Рассмехнулся тут Идолище поганое:
«Что же, почему же этим Ильею на Руси-то хвастают?
На долонь его положу, я другой прижму:
Останется меж руками что одно мокро».
Говорит-то тут калика перехожая:
«Еще ты ведь помногу ли, царь, пьешь и ешь,
Ты ведь пьешь, ты и ешь, да все ведь кушаешь?»
«Я-то пью, я все чарочку пью пива полтора ведра,
Я все кушаю хлеба по семи пудов,
Я ведь мяса-то ем — к выти все быка я съем».
Говорит-то на те речи Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«У моего все у батюшки родимого
Там была-то вся корова да обжорчива,
Она много пила да много ела тут —
У ней скоро ведь брюшина-то тут треснула».
Показалось то царицу все не в удовольствие;
Он хватал-то из нагалища булатен нож,
Он кидал-то ведь в калику перехожую,
Ай помиловал калику спас пречистый наш:
Отвернулся-то калика в другу сторону.
Скидывал-то Илья шляпу со головушки,
Он ведь скидывал все шляпу сорочинскую,
Он кидал, кидал в Идолище все шляпою,
Он ведь кинул — угодил в татарску самую голову;
Улетел же тут татарин из простенка вон,
Да ведь вылетел татарин все на улицу.
Побежал-то Илья Муромец скорешенько
Он на ту ли на широку, светлу улицу,
Он рубил-то все он тут силу татарскую,
Он татарску ту силу, бусурманскую;
Он избил-то, избил силу великую.
Приказал-то князь Владимир-от звонить во большой колокол.
За Илью-то петь обедни-то с молебнами:
«Не за меня-то молитесь, — за Илью Муромца».
Собирал-то он почестен пир,
Ай почестен собирал для Ильи да все для Муромца.

О ЖЕНЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Как было то к князю ко Владимиру
Князья-бояра собирались,
Собирались, низко кланялись,
Становились в победный круг,
Речи слушали княженецкие.
Молвил слово Владимир-князь:
«Князья-бояре вы мои верные,
А и головы у вас разумные!
Изберите вы молодца испромеж себя,
А я дам ему рать мою сильную:
А кто с ним пойдет, тот с ним пойдет,
А кто с ним нейдет, тот останется
Берегчи князя со княгинею».
Князья-бояра слово слушали,
Слово выслушав, поклонились.
Стали думу думати крепкую.
Надумали, говорили таково слово:
«Гой еси ты, ласков Володимир-князь!
Мы все с тобой, со княгинею,
За тебя мы положим наши головы,
А рать поведет Илья Муромец:
Мы дадим ему наших детушек,
Коней спелых, сабли острые,
Стрелы меткие со туга лука».
И на том дело порешилось.
Слали гонца к Илье Муромцу:
«Спехом спеши, рать в поле веди
На того ли ворога на Загорского,
На Тугарина на Белевича».
В те поры Илья Муромца дома не случилось:
Полевал он далече во чистом поле,
Зверя лютого на копье ловил,

Соболей, куниц на низок низал.
Во дворе была токмо Савишна,
Молода жена Ильи Муромца.
Слышит слово молода жена Савишна,
Грозен наказ княженецкий-ат;
Молодое сердце надорвалось:
«Добро, молвит, ты, гонец, назад беги,
А Илья за тобой не замешкает».
Проводила она гонца ласково,
Наказала коня седлать доброго,
Одевалась в платье богатырское,
Не забыла колчан каленых стрел,
Тугой лук, саблю острую.
Как села в седло, только и видели.
И поехала ко городу ко Киеву,
К великому князю ко Владимиру.
Как завидели князя-бояра богатырский скок,
Как слышали князя-бояра богатырский свист,
Не дивились долго скоку, посвисту,
Высылали спешно всю рать могучую,
Сами к ласкову князю воротились:
«Пошла-де рать с Ильей Муромцем,
А Тугарину-де с ним несдобровать».
Далеко в чистом поле рати стретились,
У Тугарина рать — туча черная,
Княженицкая рать — молонья светлая.
Как сошлись, не взвиделись.
А и Тугарин не взвидел бела дня,
Убежал он в свои улусы Загорские,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.
А богатырь Илья Муромец
Знать не знал, ведать не ведал,
Кто за него бился с Тугарином.

БОГАТЫРИ НА ЗАСТАВЕ.
БОИ ИЛЬИ МУРОМЦА С СЫНОМ

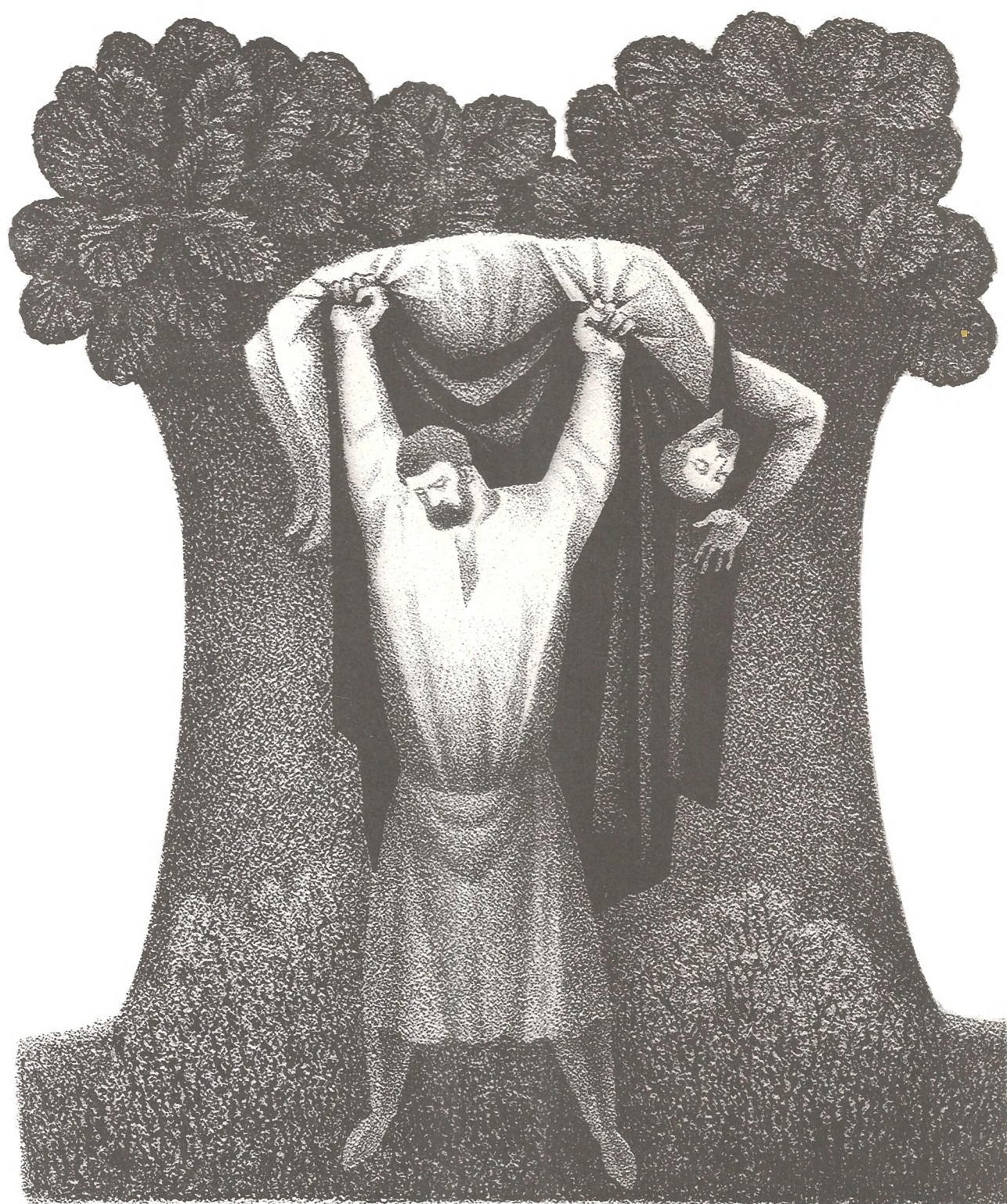
На горах, горах да было на высокиих,
Не на шоломя было окатистых —
Там стоял-де ноне да тонкий бел шатер,
Во шатре-то удаленьки добры молодцы:
Во-первых, старый казак Илья Муромец,
Во-вторых, Добрынюшка Никитич млад,
Во-третьих-то, Алешенька Попович-от.
Эх, стояли на заставе они на крепкой,
Стерегли-берегли они красен Киев-град;
Стояли за веру христианскую,
Стояли за церкви все за божие,
Как стояли за честные монастыри.
Как по утречку было по раннему,
А на заре-то было на раннеутренней,
А й как выходит старый казак из бела шатра.
Он смотрел-де во трубочку подзорную
На все же на четыре кругом стороны.
Он завидел-де,— во поле не дым стоит,
Кабы едет удалый да добрый молодец,
Он прямо-де едет в красен Киев-град,
А не приворачиват на заставу крепкую;
Он едет, молодец, так потешается:
Он востро копьё мечет да по поднебесью,
Он одной рукой мечет, другой схватывают;
А впереди его бежит да два серых волка,
Два серых бежит волка да серых выжлока.
А на правом плече сидел да млад ясен сокол,
На левом плече сидел да млад бел кречет.
А заходил старый казак во бел шатер,
Говорил-то старый казак таковы слова:
«Уж вы гой еси, удалы вы добрые молодцы!

Уж что же вы спите да что вы думаете?
 Да наехал на нас супостат велик,
 Супостат-де велик да добрый молодец.
 Он прямо-де едет в красен Киев-град,
 А не приворачиват на заставу на крепкую».

Ото сну-де ребятушки пробужались,
 Ключевою водою они умывались,
 Они белым полотенцем да утирались,
 Они господу богу помолились,
 А посылали Алешеньку Поповича.
 Как выходит Алешенька из бела шатра,
 Засвистел он коня да из чиста поля;
 А бежит его конь — так мать-земля дрожит.
 Как крутешенько Алешенька седлал коня,
 Он седлал-де, уздал да коня доброго:
 Он накладывал уздеченьку тесмяную,
 Он накладывал седлышко черкасское,
 Он двенадцать подпруг да шелку белого,
 Еще шелку белого да шамахинского;
 Он тринадцату подпругу чрез хребетну кость,
 А не ради басы да ради крепости,
 Еще ради окрепы да богатырской,
 Еще ради поездки да молодецкой,
 А не оставил бы конь да на чистом поле
 Еще черным-то воронам да на погрянье,
 Еще серым волкам на потерзанье.
 Только видели — молодец на коня скочил.
 А не видели поездки да богатырской;
 Только видели — в поле курева стоит.
 А выезжал-то Алешенька на чисто поле,
 Он завидел молодца-то во чистом поле,
 А ревел-то Алешенька по-звериному,
 Засвистел-то Алеша по-соловьиному,
 Зашипел-то Алеша по-змеиному;
 А кабы едет-от молодец — не оглянется.
 Как подумал Алешенька Попович-от:
 «А кабы едет молодец-от — не моя чета,
 Не моя едет чета да не моя верста».
 Повернул он коня да ко белу шатру.
 Приезжает Алешенька ко белу шатру,
 А встречает старый казак Илья Муромец.
 Говорит тут Алешенька Попович-от:
 «Уж ты гой еси, старый казак Илья Муромец!
 Кабы едет богатырь — да не моя чета,
 Не моя едет чета да не моя верста».
 Посылали тут Добрынюшку Никитича:
 Ах, кабы вежливый Добрынюшка, очестливый,—
 Он спросил бы о роде и о племени,

Он спросил бы отечество-молодечество,
Он спросил, куда едет да куда путь держит.
А как выходит Добрынюшка из бела шатра,
Засвистел он коня да из чиста поля;
А бежит его конь — так мать — сыра земля дрожит.
А крутешенько Добрынюшка седлал коня,
Он седлал-уздal себе коня доброго:
Он накладывал уздеченьку тесмяную,
Он накладывал седельшко черкасское,
А он вязал-де подпруги шелку белого
Еще белого шелку шамахинского;
Он застегивал пряжечки серебряны,
Он серебряны пряжечки, позолочены;
Он двенадцать подпруг шелку белого,
А тринадцатую подпругу через хребетну кость,
А не ради басы, ради крепости,
А еще ради окрепы да богатырской,
Еще ради поездки да молодецкой,
А придется-де съехаться на поле с неприятелем.
А как крутешенько Добрынюшка на коня скочил,
А не видели поездки богатырския;
Только видели — во поле курева стоит,
Курева-де стоит, да дым столбом валит.
А выезжал-де Добрынюшка на чисто поле,
Он на то же на раздольице на широкое,
Он завидел молодца-то во чистом поле;
Заехал он молодцу спереди-де, с глаз,
А еще слез-де Добрыня со добра коня,
Он снял-де шляпку да земли греческой,
Он не малу, не велику — да во сорок пуд;
Он низко молодцу да поклоняется:
«Уж ты здравствуй, удаленький добрый молодец!
Уж ты коего города, коей земли?
Еще коего отца-матери?
А куда же ты едешь да куда путь держишь?»
А отвечает удалый да добрый молодец;
Не сказал он роду своего, племени,
Не сказал он отчества-молодечества,
А он сказал, куда еду да куда путь держу:
«Еще прямо я еду в красен Киев-град,
А еще столен град да во полон возьму,
А еще князя Владимира живком схвачу,
Я княгинюшку Апраксию за себя замуж возьму».
А надевал-то Добрыня да шляпу земли греческой,
Он не малу, не велику — да во сорок пуд;
Он и быстро скочил на добра коня,
Он прямо поехал ко белу шатру.
А встречает старый казак Илья Муромец.

Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
 «Уж ты гой еси, старый казак Илья Муромец!
 Абы едет богатырь — не моя чета,
 Не моя едет чета и не моя верста;
 А не сказал он роду своего, племени,
 Не сказал отчества-молодечества,
 А он сказал, куда еду да куда путь держу;
 А он прямо-де едет да в красен Киев-град,
 А он стольный-от град да во полон хочет взять,
 А он князя-то Владимира живком схватить,
 А он княгинюшку Апраксию за себя замуж взять».
 А загорело у стара казака ретиво сердце,
 Закипела во старом да кровь горячая,
 Расходилися его да могучи плеча.
 Засвистел он коня да из чиста поля;
 А бежит его конь — так мать-земля дрожит.
 В темях-то старый казак седлал коня,
 Он седлал-уздal себе коня доброго:
 Он накладывал уздеченьку тесмяную,
 Он накладывал седлышко черкасское,
 Он взял-де подпруги шелку белого,
 Еще белого шелку шамахинского;
 Он двенадцать подпруг да все шелковых,
 Он тринадцату подпругу через хребетну кость;
 Он застегивал пряжечки серебряны,
 И серебряны пряжечки, позолочены,
 А не ради басы, а ради крепости —
 Не оставил бы конь да во чистом поле:
 «А мне придется-де съехаться на поле с неприятелем».
 А в темях-то старый казак на коня скакал,
 И не видели поездки богатырской;
 Только видели — во поле курева стоит,
 Курева-де стоит, да дым столбом валит.
 Выезжат старый казак на поле на чистое,
 Он на то же на раздольице на широкое,
 Он завидел молодца во чистом поле.
 Заревел-то старый казак по-звериному,
 Засвистел-то старый казак по-соловьиному,
 А зашипел-то старый казак по-змеиному.
 Кабы едет молодец-от — не оглянется.
 А говорит молодец-от таковы слова:
 «А уж вы гой еси, мои вы два серы волка,
 Два серы мои волка да серы выхлоки!
 Побежите-ка вы тепере во темны леса,
 А тепере мне-ка не до вас стало:
 Как наехал на меня супостат велик,
 Супостат-де велик да добрый молодец.
 А уж ты гой еси, мой млад ясен сокол,

Уж ты гой еси, мой да младый бел кречет!
Полетите-ка теперь во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало».
А как не две горы вместе сотолкалося,
Не две тучи вместе да сокаталося,—
А как съезжаются старый казак с Подсокольником.
А они билися палочками бueвыми;
А рукояточки у палочек отвернулися;
Они тем боем друг дружку не ранили.
А съезжаются ребятушки во второй након,
Они секлися сабельками острыми;
А у них остры-ти сабельки исцербалися;
А они тем боем друг дружку не ранили.
А съезжаются ребятушки по третий раз,
А кололися копьями-де острыми —
Долгомерные ратовища по семь сажон;
По насадочкам копыща свернулися;
Они тем боем друг дружку не ранили.
А соскочили ребятушки со добрых коней,
А схватилися плотным боем, рукопашкою.
А кабы борются удалы да добры молодцы:
А Подсокольничек кричит — так мать-земля дрожит;
А старый казак скричит — так лесы ломаются.
А как по счастью было да Подсокольника,
По злосчастью было Ильи Муромца,—
А как не правая рука да приокóмбала,
А как не левая нога его приокóльзела,
А как падал старый казак на сыру землю.
Еще сплыл-то Подсокольничек на белы груди;
Он не спрашивал ни роду и ни племени,
Он не спрашивал отечества-молодечества;
Он расстегивал латы его кольчужные,
Он вымал из нагалища кинжалый нож,
Он хочет пороть его белы груди,
Он и хочет смотреть да ретивó сердцó.
И еще тут-то старый казак возмолится:
«Уж ты спас, спас многомилостив,
Пресвята ты, мати божия, богородица!
Как стоял я за веру христианскую,
И стоял я за церкви за божие,
И стоял я за честные монастыри».
У стара казака силы вдвое прибыло,
Он смахнул Подсокольника со белых грудей,
А он сплыл Подсокольнику на белы груди,
А он расстегивал латы его кольчужные,
Он вымал из нагалища кинжалый нож,
Он и хочет пороть его белы груди,
Он и хочет смотреть и ретиво сердцо.

А еще сам старый что-то прираздумался:
«А не спросил я ни роду и ни племени,
Не спросил я отчества-молодечества».
А говорит-то старый казак таковы слова:
«А уж ты гой еси, удалый добрый молодец!
Еще коего города ты, коей земли?
И еще коего ты отца-матери?
И еще как, молодец, тебя именем зовут?»
А отвечает удаленький добрый молодец:
«А когда я у тебя был на белых грудях,
А я не спрашивал ни роду и ни племени,
Я не спрашивал отчества-молодечества;
Уж я прямо порол бы я белы груди,
И смотрел бы я да ретиво сердце».
А спросил же старый да по второй након.
Отвечает удаленький добрый молодец:
«Я от моря-моря, я от синего,
От того же от камешка от Латыря,
А я от той же от бабы да от Салыгорки;
Уж я ездил, удалый да добрый молодец;
Еще есть я ей сын да Подсокольничек,
По всему я свету есть наездничек».
А ставает старый казак на резвы ноги,
Становит Подсокольника на резвы ноги,
А целует в уста его сахарные,
А называют Подсокольника своим сыном,
Называют-то своим сыном любимым.
Говорила Подсокольнику матушка родимая:
«Не дошедши до старого, слезывай с коня,
Слезывай-де с коня да низко кланяйся».
А и побратался старый казак со своим сыном.
А поехал старый казак во чисто поле,
Он во тонкий шатер да бел-полотняный.
А и спит-де старый казак он ведь сутки.
А спит-де старый казак он двое суток.
Еще это Подсокольнику за беду стало,
За великую досадушку показалось:
«Я стару казаку так унижался же».
Поехал Подсокольничек ко белу шатру:
«А старого казака, а Илью Муромца,
Еще прямо его я копьем сколю».
А и приехал Подсокольничек ко белу шатру,
А и ткнул-де стара казака да во белы груди.
У стара казака было на белых грудях
Еще чуден крест был господень,
Не мал, не велик — да полтора пуда;
А скользнуло копые Подсокольника.
Ото сна тут старый казак пробуждается.

А он схватил Подсокольника во белы руки,
Вышибал он выше лесу стоячего,
Ниже облака он ходячего.
Еще падал Подсокольничек на сыру землю,
И разбился Подсокольничек во крошечки.
Еще тут Подсокольничку славу поют,
А славу-де поют да старинú скажút.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ
НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

По морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому,
Ходил-гулял Сокол-корабль
Немного-немало — двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма по-звериному,
А бока сведены по-змеиному.
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почестные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы;

Да еще было на Соколе на корабле:
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собой языка не ведали.
Хозяин-от был Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Его верный слуга Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Как издалече-далече, из чиста поля
Зазрел, засмотрел Турецкий пан,
Турецкий пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.
Он сам говорит таково слово:
«Ах вы гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донские казаки!
Что у вас на синем море деется,
Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-корабль,
Белеются тонки парусы.
Вы бегите-ка, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери;
Добрынюшку под меч клони!»
Такие слова слышал Илья Муромец,
Такое слово Добрыне выговаривал:
«Ты, Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи во Сокол-корабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косу сажень!»
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Не на воду, не на землю,
А пади, моя каленая стрела,
В турецкий град, в зелен сад,
В зеленый сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь,
Распори ему турецкую грудь,
Расшиби ему ретиво сердце!»

Ах, тут Салтан покаялся:
«Не подай, боже, водиться с Ильей Муромцем
Ни детям нашим, ни внучатам,
Ни внучатам, ни правнучатам,
Ни правнучатам, ни пращурятам!»

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачарова
БЫла тут поездка богатырская.
Выезжает оттуль да добрый мóлодец,
Старый казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добром коне
И во том ли выезжает во кованом седле.
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чистом поле,
И увидел добрый молодец да Латырь-камешек,
И от камешка лежит три росстани,
И на камешке было подписано:
«В первую дороженьку ехати — убиту быть,
Во дрúгую дороженьку ехати — женату быть,
Третью дороженьку ехати — богату быть».
Стоит старенький да издивляется,
Головой качат, сам выговариват:
«Сколько лет я во чистом поле гулял да езживал,
А еще такового чуда не нахаживал.
Но на что поеду в ту дороженьку, да где богату быть?
Нету у меня да молодой жены,
И молодой жены да любимой семьи,
Некому держать-тóщить да золотой казны,
Некому держать да платья цветного.
Но на что мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молодёньку ведь взять — да то чужа корысть,
А как старую-то взять — дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь, добрый молодец,
А й во тую дороженьку, где убиту быть?

А й пожил я ведь, добрый молодец, на сем свете,
И походил-погулял ведь добрый молодец во чистом поле».
Нонь поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть,
Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи;
Во чистом поле да курева стоит,
Курева стоит, да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы на холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки-ты, озера между ног спускал,
Он сини моря-ты на окол скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатой,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленские,
Где стоят ведь сорок тысячей разбойников
И те ли ночные тати-подорожники.
И увидели разбойники да добра молодца,
Старого казака Илью Муромца.
Закричал разбойнический атаман большой:
«А гой же вы, моя братцы-товарищи
И разудаленькие вы да добры молодцы!
Принимайтесь-ка за добра молодца,
Отбирайте от него да платье цветное,
Отбирайте от него да, что ль, добра коня».
Видит тут старый казак да Илья Муромец,
Видит он тут, что да беда пришла,
Да беда пришла да неминуема.
Испроговорит тут добрый молодец да таково слово:
«А гой же вы, сорок тысяч разбойников
И тех ли татей ночных да подорожников!
Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего.
Нет у старого да золотой казны,
Нет у старого да платья цветного,
А и нет у старого да камня драгоценного.
Только есть у старого один ведь добрый конь,
Добрый конь у старого да богатырский,
И на добром коне ведь есть у старого седлышко,
Есть седлышко да богатырское.
То не для красы, братцы, и не для басы —
Ради крепости да богатырской,
И чтоб можно было сидеть да добру молодцу,
Биться-ратиться добру молодцу да во чистом поле.
Но еще есть у старого на коне уздечка тесмяная,
И во той ли во уздечке да во тесмяной
Как зашито есть по камешку по яхонту,
То не для красы, братцы, не для басы —
Ради крепости да богатырской.

И где ходит ведь гулят мой добрый конь,
И среди ведь ходит ночи темная,
И видно его да за пятнадцать верст да равномерных;
Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов.
То не для красы, братцы, не для басы —
Ради крепости да богатырской».
Скричал-сзычал да громким голосом
Разбойничёский да атаман большой:
«Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать!
Принимайтесь-ка вы, ребятушки, за дело ратное».
А й тут ведь старому да за беду стало
И за великую досаду показалось.
Снимал тут старый со буйной главы да шеломчат колпак,
И он начал, старенький, тут шеломом помахивать.
Как в сторону махнет — так тут и улица,
А й в дру́гу отмахнет — так переулочек.
А видят тут разбойники, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
Скричали тут разбойники да зычным голосом:
«Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть на семена».
Он прибил-прирубил всю силу неверную
И не оставил разбойников на семена.
Обращается ко камешку ко Латырю,
И на камешке подпись подписывал, —
И что ли очищена тая дорожка прямоезжая.
И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть.
Выезжает старенький да во чисто поле,
Увидал тут старенький палаты белокаменны.
Приезжает тут старенький к палатам белокаменным,
Увидела тут да красна девица,
Сильная поляница удалая,
И выходила встречать да добра молодца:
«И пожалуй-кошь ко мне, да добрый молодец!»
И она бьет челом ему да низко кланяется,
И берет она добра молодца да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
И ведет ведь добра молодца да во палаты белокаменны.
Посадила добра молодца да за дубовый стол,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у доброго молодца выпрашивать:
«Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец!
Ты какой земли есть да какой орды,
И ты чьего же отца есть да чьей матери?
Еще как же тебя именем зовут,
А звеличают тебя по отчеству?»
А й тут ответ-то держал да добрый молодец:
«И ты почто спрашивашь об том, да красна девица?

А я теперь устал, да добрый молодец,
А я теперь устал да отдохнуть хочу».
Как берет тут красна девица да добра молодца,
И как берет его да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Как ведет тут добра молодца
Во тую ли во спальню, богато убрану,
И ложит тут добра молодца на ту кроваточку обманчиву.
Испроговит тут молодёц да таково слово:
«Ай же ты, душечка да красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватку на тесовую».
И как схватил тут добрый молодец да красну девицу,
И хватил он ей да по подпазушки
И бросил на тую на кроваточку;
Как кроваточка-то эта подвернулася,
И улетела красна девица во тот да во глубоок погреб.
Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:
«А гой же вы, братцы мои да все товарищи
И разудалые да добры молодцы!
Но имай-хватай, вот и сама идет».
Отворяет погреба глубокие,
Выпускает двенадцать да добрых молодцев,
И все сильных могучих богатырей;
Едину оставил саму да во погребе глубоком.
Бьют-то челом да низко кланяются
И удалому да добру молодцу
И старому казаку Илье Муромцу.
И приезжает старенький ко камешку ко Латырю,
И на камешке-то он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».
И направляет добрый молодец да своего коня
И во тую ли дороженьку, да где богату быть.
Во чистом поле наехал на три погреба глубоких,
И которые насыпаны погреба златом-серебром,
Златом-серебром, камнем драгоценным;
И обирал тут добрый молодец все злато это серебро
И раздавал это злато-серебро по нищей по братии;
И роздал он злато-серебро по сиротам да бесприютным.
И обращался добрый молодец ко камешку ко Латырю,
И на камешке он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».

АЛЕША ПОПОВИЧ

ВЫЕЗД АЛЕШИ ИЗ РОСТОВА И ВСТРЕЧА ЕГО С ТУГАРИНОМ

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные соколы вылетывали,
Выезжали два могучие богатыри,
Что по имени Алешенька Попович млад
А со молодым Екимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Они ездили, гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали:
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они зверя прыскачюго,
Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие;
Промежу тех дорог лежит горяч камень,
А на камению подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
«А и ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученный человек!
Посмотри на камению подписи,
Что на камению подписано?»
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрел на камению подписи —
Расписаны дороги широкие:
Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога в Чернигов-град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Еким Иванович:
«А и братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?»
Говорил ему Алеша Попович млад:

«Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру».
Втапоры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву;
Не доехавши они до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленых:
Надо Алеше покормить добрых коней;
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алеша опочив держать.
А и мало время позамешкавши,
Молоды Еким со добры кони,
Стреножимши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер опочив держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна Алеша пробуждается,
Встает рано-ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Белою ширинкою утирается,
На восток он, Алеша, богу молится.
Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку,
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней;
Оседлавши он, Еким, добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожая:
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой, в тридцать пуд,
Шелепуга подорожная в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкого.
Говорил таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним — как лютый зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит».
Привязался Алеша Попович млад:
«А и ты, братец, калика перехожая!
Дай мне платье каличье,
Возьми мое богатырское:
Лапотки свои семи шелков,

Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочинскую, земли греческой, в тридцать пуд,
Шелепугу подорожную в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкого».
Дает свое платье калика Алеше Поповичу
Не отказываячи, а на себя надевал
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается
И взял шелепугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалище булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Попович едва жив идет.
Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси, калика перехожая!
А где ты слыхал и где видал
Про молода Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил».
Говорил тут Алеша каликою:
«А и ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне,—
Не слышу я, что ты говоришь».
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад;
Сверстался Алеша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлестнул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю;
Скочил ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолился Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Токо ты Алеша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой».
Втапоры Алеша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платье с него снимал цветное,
На сто тысячей,
И все платье на себя надевал,
Садился на его добра коня
И поехал к своим белым шатрам.
Втапоры увидели Еким Иванович

И калика перехожая,
Испужались его, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И постигает их Алеша Попович млад;
Обвернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себе,—
Показалось ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белые Алеши Поповича,
Сшиб из седелечка черкесского,
И упал он на сыру землю.
Втапоры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белые,
И увидел на нем золот чуден крест;
Сам заплакал, говорил калике перехожему:
«По грехам надо мною, Екимом, учинилось,
Что убил своего братца родимого».
И стали его оба трясти и качать,
И потом подали ему питья заморского;
От того он здрав стал.
Стали они говорить и между собою платьем менять:
Калика свое платье надевал каличье,
А Алеша — свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чебодан к себе;
Сели они на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.

АЛЕША И ТУГАРИН В КИЕВѢ

Да и едет Тугарин-от да Змеевич же,
Да и едет Тугарин да забавляется;
Впереди-то бежат да два серых волка,
Два серых-то волка да два как выжлока;
Позади-то летят да два черных ворона.
Да и едет Тугарин да похваляется:
«Уж я город-от Киев да во полон возьму,
Уж я божьи-ти церкви да все под дым спущу,
Уж я русских богатырей повышиблю,
Да и князя-то Владимира в полон возьму,
Да княгиню Апраксию с собой возьму».
Приезжал-то Тугарин да в стольный Киев-град,
Приезжал-то ко князю да ко Владимиру.
Да стречат-то его батюшка Владимир да стольнокиевский
Да со матушкой княгиней Апраксией-королевичной.
Заводилось пированье да тут почестен стол,
Да собиралися все князья и все бояра.
Тут несли как Тугарина за дубовый стол,
Да несло двенадцать слуг да ведь уж князевых
Да на той же доске да раззолоченной.
Да садился Тугарин да за дубовый стол,
Да садилася матушка княгиня Апраксия-королевична.
Да принесли-то ведь как да лебедь белую.
Она рушала, матушка Апраксия, лебедь белую,
Да урезала да руку правую;
Тот же Тугарин-от Змеевич же
Да целиком-то сглонул да лебедь белую.
Да сидел-то Алешенька Попович же,
Он сидел-то на печке да на муравчатой,
Он играл-то во гусли да яровчатые;
Да и сам-то Алешенька да надсмехается
Да над тем над Тугарином Змеевичем:

«Еще у нас-то, у дядюшки, была корова старая,
Да и охоча корова да по поварням ходить,
Да и охоча корова ёловину есть;
Да ёловины корова да обожралася.
Да тебе-то, Тугарин, будет така же смерть».
Да уж тут-то Тугарину за беду пришло,
За великую досаду да показалось.
Алешу стрелил он вилочкой серебряной.
Да на ту пору Алешенька ухватчив был,
Да ухватил-то он вилочку серебряну.
Да и говорит-то Тугарин-от Змеевич же:
«Еще хошь ли, Алешенька, я живком схвачу,
Еще хошь ли, Алешенька, я конем стопчу,
Я конем-то стопчу, да я копьём сколю?»
Да по целой-то ковриге да кладет за щеку.
Да сидит-то Алешенька Попович же,
Да сидит-то на печке да на муравленой,
Да играт-то во гусельцы в яровчатые,
Да сидит, над Тугарином насмехается:
«У нас, у дядюшки, была собака старая,
Да охоча собака да по пирам ходить;
Да и костью собака да задавилася,
Да тебе-то, Тугарин, будет така же смерть».
Да и тут-то Тугарину за беду пришло,
Да за великую досаду да показалось;
Да ухватил-то он ножичек булатный же,
Да он стрелил Алешеньку Поповича.
Да на ту пору Алешенька ухватчив был,
Да ухватил-то он ножичек булатный же.
Да говорит ему Тугарин-от да Змеевич же:
«Еще хошь-то, Алешенька, живком схвачу,
А хошь-то, Алешенька, конем стопчу,
Да конем-то стопчу да и копьём сколю?»
Да сидит-то Алешенька Попович же,
Да сидит-то на печке да на муравленой,
Он играт-то во гусли да яровчатые,
Да сидит-то, над Тугарином посмехается.
Да тут-то Тугарину за беду пришлось,
За великую досаду да показалось.
Да бежал тут Тугарин да ведь вихрем вон
С-за тех же столов да он дубовых же,
Из-за тех же напитков да разнообразных,
Из-за тех же ествов сахарных же,
Еще звал-то Алешу да ехать во чисто поле.
Еще тут Алешенька не трусливый был,
Да и брал-то коня да лошадь добрую,
Да взял-то он сабельку ту вострую,
Еще взял-то он палицу буювую,

Да брал он копье да долгомерное.
Выезжали с Тугарином на чисто поле.
У Тугаринова коня да крыльё огненно,
Да летает-то конь да по поднебесью.
Говорит тут Алешенька Попович же:
«Нанеси, бог, бурсачка да часта дождичка».
Нанесло тут бурсачка да часта дождичка.
Тут спускался у Тугарина конь да из поднебесья
Да на матушку да на сыру землю.
Говорит-то Алешенька Попович млад:
«Уж ты ой еси, Тугарин да Змеевич же!
Оглянись-ка назад: там стоит полк богатырей».
Оглянулся Тугарин Змеевич же.
Да на ту пору Алешенька ухватчив был,
Ухватил-то он сабельку ту вострую,
Да и ссек у Тугарина буйну голову.
Да тут-то Тугарину славы поют.
Он рассек-то его на мелки речки,
Он рассеял-развеял да по чисту полю —
Да черным воронам да на пограенье,
Да птичкам-пташицам да на потерзанье.
Да Тугаринову голову да на копье садил,
Да повез-то ей да в стольный Киев-град —
А й князю Владимиру в подарочки.
Да привез он ко князю да ко Владимиру,
Да говорит тут Алешенька Попович млад:
«Да уж ты ой еси, Владимир, князь стольнокиевский!
Ты возьми-тко Тугаринову голову да и в подарочки;
Да хоть рубахи бучь да и пиво вари».
Уж тут-то князь Владимир да возрадовался,
Дарил-то Алешеньку подарочками,
Да подарками дарил его великими,
Еще взял-то Алешеньку во служеньице.

АЛЕША И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Во славном было во городе во Ростове,
У того попа Ростовского
Едино было чадо милое,
Удал добрый молодец на возрасте,
По имени Алешенька млад;
И стал Алешенька конем владеть,
И стал Алешенька мечом владеть.
Приходит Алешенька ко своему родителю,
К тому попу Ростовскому,
И падает ему во резвы ноги
И просит у него благословеньица
Ехать да во чисто поле во раздольице,
К тому ли ко синю морю,
На те же тихи заводи —
Стрелять гусей, белых лебедей,
Перистых пушистых серых утицей,
И стрелять во мерочки во польские,
Во то ли вострие ножевое.
И просил он себе у родного батюшки,
У того ли попа Ростовского,
Себе дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую.
И дал ему Ростовский поп,
Своему чаду милому,
Благословенье с буйной головы до резвых ног.
И пошел же Алешенька на конюшен двор
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрых,
Надевали они на коней седелушка черкальские,
И затягивали подпруги шелковые,
И застегивали костылечки булатные
Во ту ли кость лошадиную,

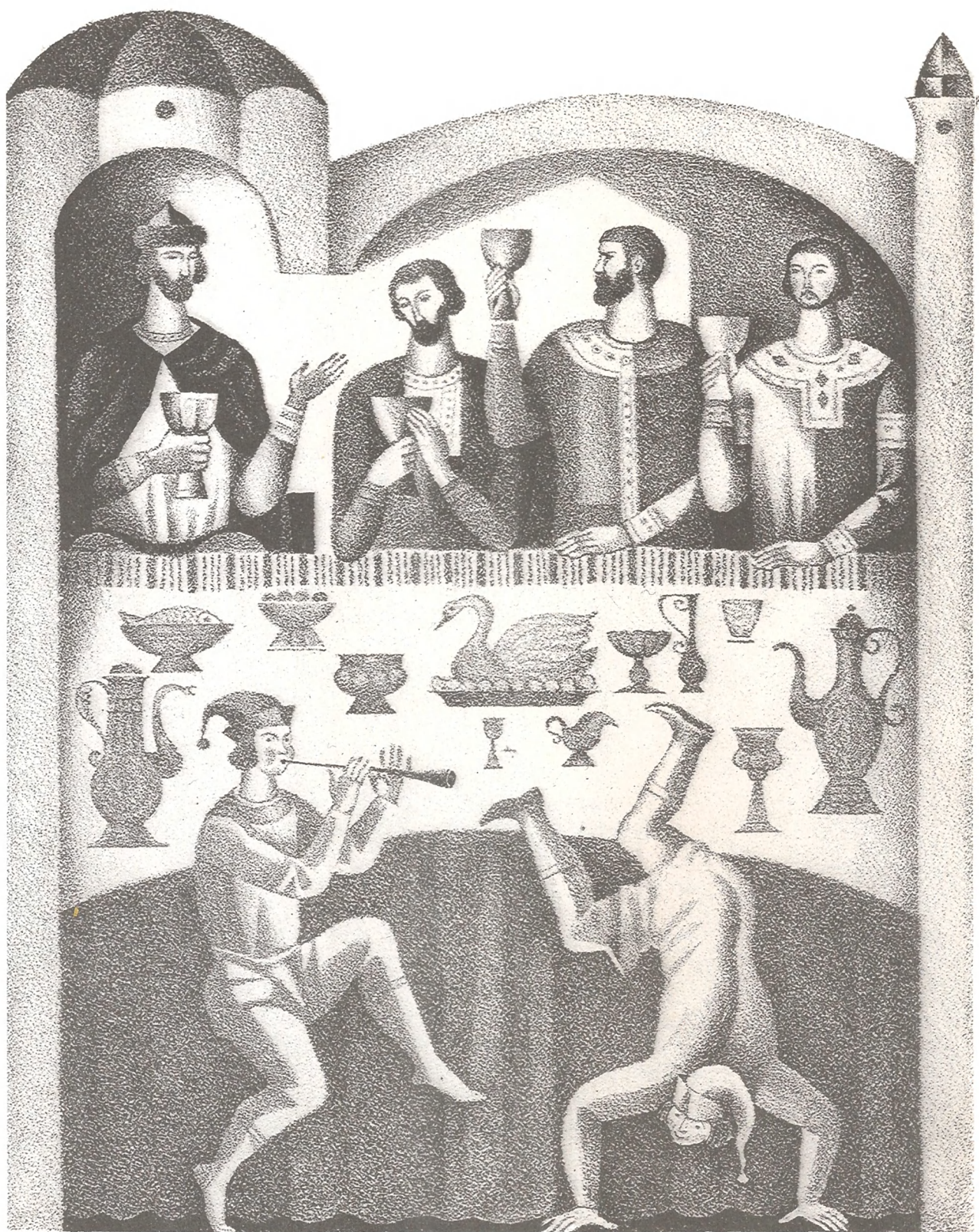
И сами коню приговаривают:
«Уж ты, конь, ты, конь, лошадь добрая!
Не оставь ты, конь, во чистом поле
Серым волкам на растерзанье,
Черным воронам на вознаграенье,
А сильным поляницам на восхваленье».
Надевали на коней узду тесмянную,
И сами коню приговаривают:
«То не для-ради басы — ради крепости,
А не для-ради поездки богатырския,
Для-ради выслуги молодецкия».
Надевал Алешенька латы кольчужные,
Застегивал пуговики жемчужные
И нагрудничек булатный
И брал свою сбрую богатырскую:
Во-первых, копье долгомерное,
Во-вторых, саблю острую,
Во-третьих, палицу боевую,
В налушничек тугой лук
Да двенадцать стрелочек каленных;
Не забыл чинжалище, свой острый нож.
Только видели удала, как в стремена вступил,
А не видели поездки богатырския;
Только видели — в чистом поле курево стоит,
Курево стоит да дым столбом валит.
У рек молодцы не стаивали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ехали из утра день до вечера
И доехали до расстаньюшка великого
На три дорожечки широкие:
Первая дорожечка во Киев-град,
Друга дорожечка во Чернигов-град,
Третья дорожечка ко синю морю,
Ко тому ко камешку ко серому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На те же тихи вешни заводи.
И говорил тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружина добрая!
В котору дорожку наш путь лежит —
В Киев ли ехать, аль в Чернигов,
Аль к тому морю синему?»
И говорит дружина хоробрая:
«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!
Если ехать нам да во Чернигов-град,
Есть во Чернигове вина заморские,
Вина заморские да заборчивые:
По стаканчику выпьем — по другому хочется,
А по третьему выпьешь — душа горит;

Есть там калашницы хорошие:
По калачику съедим — по другому хочется,
По другому съедим — по третьему душа горит.
Есть там девушки хорошие:
Если на девушку взглянешь, та́к загуляешься,
И пройдет про нас славушка немалая,
Ото востока слава до запада,
До того города до Ростовского,
До того ли попа до Ростовского,
До твоего батюшки-родителя.
Поедем-ка мы, Алешенька, в Киев-град
Божьим церквам помолитися,
Честным монастырям поклонитися».
И поехали они ко городу ко Киеву.
Под тем под городом под Киевом
Сослучилося несчастье великое:
Обостала его сила неверная
Из той орды да великия,
По имени Василий Прекрасный,
И страшно, грозно подымается,
Нехорошими словами похваляется:
Хочет красен Киев в полон взять,
Святые церкви в огонь спустить,
А силу киевску с собою взять,
А князя Владимира повесить,
Апраксию Никитичну взамуж взять.
И говорил-то тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружинушка хоробрая!
Не поедем-ка мы теперича во Киев-град,
А напустимся на рать-силу великую,
На того ли Василия Прекрасного,
И слободим от беды крашен Киев-град;
Выслуга наша не забудется,
А пройдет про нас слава великая
Про выслугу нашу богатырскую,
И узнат про нас старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Не дошедши старик нам поклонится».
И попускал он с дружинушкой хороброю
На ту силу-рать великую,
На того Василия Прекрасного,
И прибили тую силу-рать великую —
Кое сами, кое кони топчут,
И разбежалась рать-сила великая
По тому полю широкому,
По тем кустам ракитовым,
Очистила дорожку прямоезжую.
Заезжали они тогда во красен Киев-град,

Ко тем же ко честным монастырям.
И спросил-то их Владимир-князь:
«И откуль таки вы, добры молодцы,
И коими дорогами, каким путем?» —
«Заехали мы дорожкой прямоезжею».
И не просил их князь на почестен стол,
И садились тут добры молодцы на добрых коней,
И поехали они во чисто поле,
Ко тому ли городу Ростовскому,
Ко тому ли попу Ростовскому.
Прошла славушка немалая
От того ли города Ростовского
До того ли до города до Киева,
До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистого,
До тое ли березоньки кудрявые,
До того ли шатра белополотняного,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоезжая
От того ли Алешеньки Поповича.
И сам же старый да удивляется:
Уж как ездили добры молодцы да по чисту полю,
А не заехали удалы добры молодцы ко старому
Хлеба-соли есть да пива с медом пить.
Садится стар да на добра коня,
Приезжает стар да в красен Киев-град,
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжевскому,
Ко тому ли крылечику прекрасному.
Не ясен сокол да опускается,
А то стар казак с коня соскакивает,
Оставляет коня не приказана, не привязана;
Забегает стар на красно крыльцо,
И проходит новы сени,
И заходит во светлу гридню,
И приходит старый, богу молится,
На все стороны поклоняется,
Челом бьет ниже пояса:
«Уж ты здравствуешь, князь стольнокиевский!
Уж ты здравствуешь, Апраксия-королевична!
Поздравляем вас с победою немалою.
Залетали ль сюда добры молодцы,
По имени Алешенька Попович млад
Со своей дружинишкой хороброю?»
Отвечает ему князь стольнокиевский:
«Заезжали добры молодцы ко тем честным монастырям,

Уж я их к себе в дом да не принял,
И уехали они во далече чисто поле».
И сказал тут стар казак:
«Собери-тко-ся, князь Владимир, почестен пир,
Позови-тко-ся Алешу Поповича на почестен пир,
Посади-тко-ся Алешу во большо место
И уподчуй-ка-ся Алешу зеленым вином,
Зеленым вином да медом сладким,
И подари-тко-ся Алешу подарочком великим.
И прошла уж славушка немалая
Про того Алешеньку Поповича
До той орды до великия,
До той Литвы до поганяя,
До того Батея Батеевича».
«Да кого же нам послать за Алешенькой,
Да попросить его на почестен пир?
И послать нам Добрынюшку Никитича».
И поехал Добрынюшка Никитич млад.
Не дошедши, Добрынюшка низко кланялся:
«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!
Поедем-ка-ся во красен Киев-град,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Хлеба-соли есть да пива с медом пить,
И хочет тебя князь пожаловать».
Ответ держит Алеша Попович млад:
«На приезде гостя не употчевал,
На отъезде гостя не употчевать».
Говорит тут Добрынюшка во второй након:
«Поедем, Алешенька, во красен Киев-град
Хлеба-соли есть, пива с медом пить,
И подарит тебя князь подарочком хорошим.
Да еще звал тебя старый казак
Илья Муромец сын Иванович,
Да звал тебя Дунаюшко Иванович,
Да звал тебя Василий Касимеров,
Да звал тебя Потанюшко Хроменький,
Да звал тебя Михайлушко Игнатьевич».
Тогда садился Алеша на добра коня
С той дружинушкой хороброю,
Поехали они во далече чисто поле,
Ко тому ко граду ко Киеву,
И заезжают они не дорожкой, не воротами,
А скакали через стены городовые,
Мимо тое башенки наугольные,
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясен сокол с воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своих коней соскакивают —

У того же столба у точеного,
У того же колечка золоченого;
А оставили коней неприказанных, непривязанных.
Выходил тут на крыльцо старый казак
Со князем со Владимиром, со княгинюшкой Апраксиною;
По колено-то у Апраксии наряжены ноги в золоте,
А по локоть-то руки в скатном жемчуге,
На груди у Апраксии камень и цены ему нет.
Не дошедши, Апраксия низко поклонилась
И тому же Алешеньке Поповичу:
«Уж многолетно здравствуй, ясен сокол,
А по имени Алешенька Попович млад!
Победил ты немало силы нонь,
И слободил ты наш красен Киев-град
От того ли Василия Прекрасного;
Чем тебя мы станем теперь, Алешу, жаловать?
Пожаловать нам села с приселками,
А города с пригородками!
И тебе будет казна не затворена,
И пожалуй-ка-ся ты к нам на почестен стол».
И брала Алешеньку за белу руку
И вела его в гридни столовые,
Садила за столы дубовые,
За скатерти перчатные,
За кушанья сахарные,
За напитки разливатые,
За тую же за матушку белу лебедь.
Да сказал же тут Владимир стольнокиевский:
«Слуги верные, наливайте-тось зелена вина,
А не малую чарочку — в полтора ведра;
Наливайте-тось еще меду сладкого,
Наливайте-тось еще пива пьяного,
А всего четыре ведра с половиною».
И принимает Алешенька одною рукой,
И отдает чело на все четыре стороны,
И выпивал Алешенька чары досуха;
А особенно поклонился старику Илье Муромцу.
И тут-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братом старшим,
А середним — Добрынюшка Никитич млад,
А в-третьих — Алешенька Попович млад,
И стали Алешеньку тут жаловать:
Села с приселками, города с пригородками,
А казна-то была ему не закрыта.
И ставал тут Алеша на резвы ноги,
И говорил Алеша таково слово:
«Не надоть мне-ка села с приселками,
Не надоть мне города с пригородками,

Не надоть мне золотой казны,
А дай-ка мне волю по городу Киеву,
И чтобы мне-ка кабаки были не заперты,
А в трактирах чтобы гулять дозволялося».
И брал он тут свою дружинушку хорошую да хоробрую
И своих братицей названных.
И гуляли они времени немало тут,—
Гуляли неделю, гуляли две,
А на третью неделю просыпалися,
И садились удалы на добрых коней,
Поехали во далече чисто поле,
Во то раздольице широкое.

АЛЕША И СЕСТРА
ПЕТРОВИЧЕЙ-ЗБРОДОВИЧЕЙ

Во стольном во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Было столованье, почестен пир.
Все на пир да собиралися,
Все на пиру да напивалися,
Все на пиру да прирасхвасталися:
Хвастает иной да иной тем и сем,
Хвастает иной да отцом-матерью,
Хвастает иной да силой-могutoй,
Хвастает иной да золотой казной,
Хвастает дурак да молодой женой.
Хвастают два братца, два милые,
Два милые братца Петровичи,
Два милые братца Збродовичи,
Хвастают они да все родной сестрой,
Молодой Оленой Петровичной:
«Есть ведь как у нас да все родна сестра,
А молода Олена Петровична;
Сидит она у нас за девятью замками,—
Буйны-ти ветры не завеют ей,
Часты-ти дожди не замочат ей,
Добры-ти люди не засмотрят ей».
Выскочил Алеша Попович млад:
«Не хвастайте, братья, вы родной сестрой,
Молодой Оленой Петровичной;
Знаю я у вас да все родну сестру,
Молоду Олену Петровичну.
Подите-тко ночесь да во седьмом часу,
Зажмайте-тко да снегу белого,
Киньте-тко вы ей в окошечко,
Во окошечко в окутное,—

Выйдет Олена на крылечушко
В одной тоненькой рубашечке, без пояса,
В одних беленьких чулочиках, без чоботков».
Тут-то братьям за беду стало,
Тут-то родимым за великую.
Пошли они ночесь да во седьмом часу,
Зажмали ком да снегу белого,
Кинули во ей в окошечко в окутное.
Вышла Олена на крылечушко
В одной тоненькой рубашечке, без пояса,
В одних тоненьких чулочиках, без чоботков.
Тут-то братьям за беду стало,
Тут-то родимым за великую.
Вымают из ножней да саблю вострую,
Хотят сымать да буйну голову.
Тут-то Оленушка змолилася:
«Ой еси, два братца, два милые,
Два милые братца Петровичи!
Дайте сроку до бела свету
Смыть с лица белы белиличка,
Сотереть с лица алы румянечка;
Тогда вывезите меня да среди торгу,
Среди торгу да среди ярманки;
Иной на меня еще насмотрится,
Иной надо мной слезно расплачется».
Брали как братья за белы руки,
Повели как братья среди торгу.
Иной над Оленушкой наплакался,
Иной над Петровичной спокаялся,
Все же на Олену насмотрелися;
Хотят нашу Олену призакинути камкой,
Ой, хотят нашу Олену призахлопнути доской.
На погосте-то поют, да тут Олену везут.
На погосте-то звонят, да тут Олену хоронят.
Выскочил Алеша Попович млад:
«Ставай-ка ты, Олена, на резвы ноги,
Садись-ка ты, Олена, на добра коня;
Поедем-ка, Олена, ко божьей церкви,
Мы златым венцом, Олена, повенчаемся,
Златым перстнем, Олена, поменяемся».

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

- А л а т ы р ь (камень) — священный камень для жертвоприношений.
Б а с а — красота, украшение.
Б е л о я р о в ы й — лучший; белоярово пшено — кукуруза.
Б о р ж а м е ц к о е , б у р з а м е ц к о е — мурзameцкое, то есть татарское (от татарского: мурза — князь).
Б у е в ы й — боевой; возможно: хороший.
Б у л а т н ы й — сделанный из булата — азиатской узорочной стали.
Б у р с а ч о к — дождевая туча.
Б у ч и т ь (рубахи) — мочить.
В а р о в а т ь — слушать.
В е ж е с т в о — ученость, знание, образованность; на Севере: приличие, доброе поведение, обращение.
В е р с т а п я т и с о т н а я — верста в пятьсот саженей (см.).
В ы ж л ы к — охотничья собака.
В ы з д ы н у т ь — поднять.
В ы р у т и т ь — сбросить.
В ы т ь — количество еды за раз, время еды и сама еда.
Г о л ь я ш н ы й — вероятно, искусно сделанный.
Г р и д н я — столовая; приемная комната в княжеских покоях.
Ж и в о т — жизнь.
З а р к о — зазорно, досадно.
З о б а т ь — есть жадно, торопливо.
И с к о п ы т ь — след от копыт лошади.
К а л и к а — странник, поющий духовные стихи и просящий милостыню.
К а м к а — шелковая цветная ткань с узорами и разводами.
К о л п а к — шапка. Шеломчат колпак — шапка с круглым верхом.
К о с и ц а — висок.
К р а с е н ц а — холст.
К р я к о в и с т ы й — крепкий, крепкий, с корявым пнем.
К у н и ц а м а м у р с к а я — куница красного цвета (от мамура — растение, корнем которого красили холсты в красный цвет).
К у р е в а — пыль, дым.
Л а т ы р ь — см. алатырь.
Л о ж и н у ш к а — лужица.
Л о к о т ь — старинная мера длины: около четырнадцати вершков (вершок — 4,45 см.).
М у р а в а — сочная, густая луговая трава.
М у р а в л е н ы й — покрытый глазурью, изразцовый.
Н а б и л о ч к и — детали ткацкого станка, перетягивающие нити.
Н а г а л и щ е — ножны.
Н а п я т у (отворить двери) — распахнуть настежь.
Н у н ь , н у н ч у — теперь.
О б р у ч н и ц а — невеста.
О д е р — кровать.
О к у т н о е - о к о ш е ч к о — маленькое, задвижное окошечко против печи, через которое в курных избах вытягивается дым; из него, как правило, видны ворота и вся улица.
О ч е с т л и в ы й — вежливый, обходительный.

Пал — выжженное в лесу место для распашки.
Паробок — слуга, товарищ богатыря в поездках.
Перевар — крестьянское пиво или брага.
Пограенье — карканье.
Покляпый — кривой, изогнутый, наклоненный.
Поленица, поляница — богатырша или иноземный богатырь; собирает.: богатыри.
Полтретья ведра — два с половиной ведра.
Пополяковать, поляковать — ездить в поле, искать приключений, совершать воинские подвиги.
Прикользеть — поскользнуться.
Прикомбат — одеревенеть.
Прысучий зверь — дикий зверь.

Разноличный — различный.
Речки — черенки, рукоятки.
Рушать — резать.

Сажень — 2,13 м.
Сажень коса — расстояние от носка левой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки.
Сверстаться — сравняться.
Сголзануть — соскользнуть.
Семья — в былинах: жена или муж.
Силы сметы нет — бесчисленное множество.
Славу петь — восхвалять, а также говорить о ком-либо, о чем-либо.
Сокрутиться — одеться, нарядиться.
Сорочинский — сарацинский, арабский.
Старина — былина, песня.
Стегно — бедро.

Тать — вор.
Туборочки — верхние колеса в ткацком станке.

Укладные (двери) — стальные.

Чебурацкий — от чебурак: тяжелая гиря на бурлацкой лямке.
Чембур — повод, за которые привязывают коня.
Черкальское, черкасское — черкесское.
Черленый, червленый — багряный, ярко-малиновый.
Чингалище — кинжал.

Христианского рода — крестьянского рода.

Шалыга — посох с загнутым сверху концом.
Шамахинский — из Шемахи (на Кавказе).
Шелепуга — то же, что и шалыга (см.).
Ширинка — полотенце.
Шолом — холм и шлем.

Щапливая (походка) — щегольская.

Ягодица, ягодница — в Новгороде и в Сибири: щека.
Ярлык — грамота.
Яровчатые гусли — яворчатые, из явора, чинары.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОВРЫНЯ НИКИТИЧ

Бой Добрыни и Дуная	7
Добрыня и Змей	11
Добрыня и Дунай — сваты	21
Добрыня и Настасья	29
Добрыня Никитич и Василий Казимирович	31
Добрыня Никитич и Алеша Попович	41

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Исцеление Ильи Муромца	55
Илья Муромец и Соловей Разбойник	58
Бунт Ильи против Владимира	65
Илья и Калин-царь	68
Илья Муромец в изгнании и Идолище	85
О жене Ильи Муромца	91
Богатыри на заставе. Бой Ильи Муромца с сыном	93
Илья Муромец на Соколе-корабле	101
Три поездки Ильи Муромца	104

АЛЕША ПОПОВИЧ

Выезд Алеши из Ростова и встреча его с Тугарином	111
Алеша и Тугарин в Киеве	116
Алеша и Илья Муромец	121
Алеша и сестра Петровичей-Збродовичей	129
С л о в а р ь у с т а р е в ш и х с л о в	133

ТРИ БОГАТЫРЯ БЫЛИНЫ

Редактор Е. М а л и н и н а. Художественный редактор С. Д а н и л о в. Технический редактор Е. П о л о н с к а я. Корректор Г. К и с е л е в а. ИБ № 438. Сдано в набор 4.II 1976 г. Подписано в печать 13.VII 1976 г. Бумага офсет. гознак. Формат $84 \times 108^{1/16}$. 8,5 печ. л. 14,28 усл. печ. л. 8,932 уч.-изд. л. Тираж 30 000. Заказ 3860. Цена 2 р. 74 к.

Издательство «Художественная литература». Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

